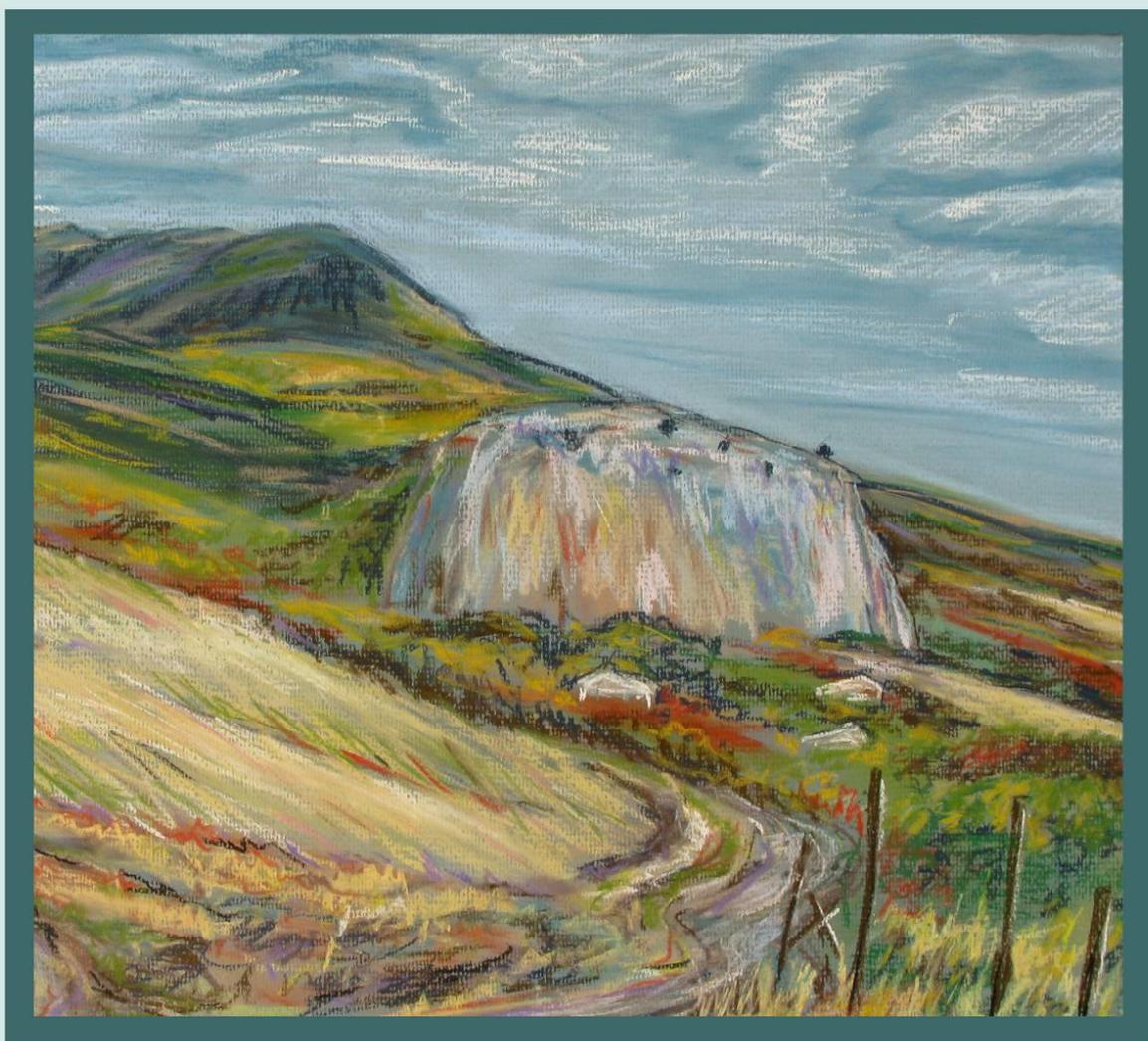

Крымский научный вестник

krvestnik.ru

№4(10) – август 2016

Часть 2

Электронный научный журнал
Крымский научный вестник

№ 4 (10) — август 2016 г.
Часть 2

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также другими ведущими учеными.

Главный редактор журнала — **О. О. Смирнова**, кандидат экономических наук, заместитель директора Межрегионального института развития территорий, г. Ялта.

В журнале рассматриваются результаты научных исследований в области экономических, юридических и педагогических наук.

Авторами статей являются ведущие специалисты современного научного знания, преподаватели ВУЗов, аспиранты и научные работники.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков, студентов, магистрантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Учредитель и издатель: **ООО «Межрегиональный институт развития территорий»**, Ялта, Республика Крым.

Журнал издается с мая 2015 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-61683 от 07.05.2015 (СМИ — «сетевое издание»).

Архив журнала доступен в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru), договор с НЭБ № 304-05/2015 от 14.05.2015, страница журнала: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=54366>.

Журнал включен в крупнейшие международные базы данных, системы цитирования и библиографические системы, охватывающие мировой поток продолжающихся и периодических научных изданий: РИНЦ, GoogleScholar, DOAJ, OAJI, SHEPRA/ROMEO, SIS, ResearchBib, CiteFactor, UlrichsWeb, ESJI, AcademicKeys.

Периодичность: 6 раз в год.

ISSN: 2412-1657

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://krvestnik.ru>

E-mail редакции: red@krvestnik.ru

При оформлении обложки с разрешения автора использован фрагмент картины крымского художника Ольги Пернацкой «Осень в Крыму. Гелин-кая».

Редакционный совет

Смирнова Ольга Олеговна — главный редактор, кандидат экономических наук, заместитель директора Межрегионального института развития территорий (Ялта)

Члены редакционного совета:

Азарян Елена Михайловна — доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Алексейчева Елена Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»

Башта Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра ноосферологии и устойчивого ноосферного развития Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Везиров Тимур Гаджиевич — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики Дагестанского государственного педагогического университета

Емец Валерий Сергеевич — доктор политических наук, профессор, проректор по управлению имуществом комплексом и связям с общественностью ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Журавлева Татьяна Александровна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» — Среднерусский институт управления, г. Орел

Никонович Сергей Леонидович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Липецкого института права и экономики (г. Липецк)

Новоселов Сергей Николаевич — доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор директор института экономики и управления в пищевой отрасли МГУПП, заведующий кафедрой «Экономика и управление в пищевой отрасли» МГУПП.

Орехов Сергей Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры общего менеджмента и предпринимательства Института менеджмента Московского государственного университета экономики, статистики и информатики

Петунин Олег Викторович — доктор педагогических наук, профессор ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования»

Печеная Людмила Тимофеевна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономик труда и управления» РЭУ имени Г.В. Плеханова

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна — доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной информатики Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь

Сидоркин Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, Почетный адвокат России, ветеран воспитательной службы ФСИН Минюста России, профессор кафедры теории и истории государства и права Международного еврейского института экономики, финансов и права

Чудновский Владимир Михайлович — доктор биологических наук, кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией биофизики Тихоокеанского океанологического института им. В.И.Ильичева Дальневосточного отделения РАН

Шарихин Александр Егорович — доктор юридических наук, старший советник юстиции, профессор кафедры судостроительства и организации правоохранительной деятельности Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Шахова Елена Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

Агапова Елена Викторовна — кандидат экономических наук, директор Центра развития конкуренции и государственного заказа Высшей школы государственного управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Богданов Дмитрий Дмитриевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Инновационное предпринимательство» МГТУ им. Н. Э. Баумана

Бура Людмила Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте)

Голядкина Ирина Николаевна — кандидат экономических наук, зав. сектором аналитики и контроля Управления потребительского рынка и услуг Администрации г. Ялты

Грибанов Василий Васильевич — кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра экономических исследований и инновационных технологий Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте)

Елагина Анна Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедры экономических дисциплин Международного еврейского института экономики, финансов и права

Записная Татьяна Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Публично-правовые дисциплины» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова

Илюшина Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, заместитель директора Межрегионального института развития территорий (Ялта)

Исламова Эльнара Рафисовна — кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург

Рындач Марина Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и туристического бизнеса, руководитель образовательной программы направления подготовки «Туризм» Института экономики и управления гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Селиванов Виктор Вениаминович — кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмента и туристического бизнеса Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте); академик транспортной академии Украины, «Заслуженный работник транспорта АРК»

Смирнов Олег Аркадьевич — кандидат физико-математических наук, заместитель заведующего кафедрой математики и информатики Московского университета им. С.Ю. Витте

Тисовский Роман Романович — кандидат социологических наук, государственный советник Российской Федерации 1-го класса

Толкачева Светлана Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление в пищевой отрасли» МГУПП

Щеглов Дмитрий Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Содержание

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Иванова Мария Юрьевна

Интегративный подход на уроках русского языка и литературы в процессе формирования патриотизма у младших подростков

69

ЭКОНОМИКА АГРАРНОГО СЕКТОРА И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Смирнова Ольга Олеговна

Мировые продовольственные кризисы 2008 и 2010 года: причины и последствия

80

Пернацкая Ольга Олеговна

Развитие сферы культуры сельских территорий Республики Крым: выбор приоритетов развития

92

Смирнова Ольга Олеговна**Шихина Нина Ивановна**

Нормативное регулирование случаев ценовой дискриминации на рынках продовольствия

105

Елагина Анна Сергеевна**Толстикова Екатерина Алексеевна**

Трансформация рыночных структур продовольственных рынков в развивающихся странах

118

Смирнов Олег Аркадьевич**Шихина Нина Ивановна**

Эволюция институциональной формы образовательного процесса коренного населения в сельских школах: на примере Аляски

131

Смирнова Светлана Михайловна**Богданов Дмитрий Дмитриевич**

Развитие промышленных кластеров в развивающихся странах: на примере кластера рыбного кластера Чили

140

Content**PEDAGOGICAL SCIENCES****Maria Ivanova**

Integrative approach on lessons of russian language and literature in the process of formation of patriotism of young teenagers **69**

ECONOMY OF AGRICULTURAL SECTOR AND RURAL AREA**Olga Smirnova**

The global food crises of 2008 and 2010: causes and consequences **80**

Olga Pernatskaia

The development of cultural sector in the rural territories of the Republic of Crimea: development priorities choice **92**

Olga Smirnova**Nina Shihina**

Regulation of the cases of price discrimination in the markets of food **105**

Anna Elagina**Ekaterina Tolstikova**

Transformation of market structures of food markets in developing countries **118**

Oleg Smirnov**Nina Shihina**

The evolution of the institutional forms of the educational process of the indigenous population in rural schools: the case of Alaska **131**

Svetlana Smirnova**Bogdanov Dmitry**

Industrial clusters in the developing countries: a case study of the Chile fish cluster **140**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК [373.5.016 : 8] + 373. 5. 035. 6

Иванова Мария Юрьевна

Аспирант, ФБГОУ ВПО «Чувашский
государственный педагогический университет
имени И. Я. Яковлева», г. Чебоксары

**ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА
У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ**

В статье рассматривается интегративный подход на уроках русского языка и литературы в процессе формирования патриотизма у младших подростков. Представлены данные эмпирического исследования. Текст рассматривается как интегрирующая основа русского языка и литературы, а также средство формирования патриотизма у младших подростков.

Ключевые слова: интегративный подход, русский язык и литература, формирование, патриотизм.

Maria Ivanova

PhD student

Chuvash State Pedagogical University named of I. Y. Yakovlev, Cheboksary

**INTEGRATIVE APPROACH ON LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE
AND LITERATURE IN THE PROCESS OF FORMATION OF PATRIOTISM
OF YOUNG TEENAGERS**

The article reveals use of the integrated approach on lessons of Russian language and Literature in the process of formation of patriotism at younger teenagers. In the article presents the data of empirical research. The text is viewed as an integrating basis of Russian language and literature, as well as means of formation of patriotism.

Keywords: integrative approach, Russian language and Literature, the formation, patriotism.

В современной педагогической науке патриотизм определяется как преданность и любовь к Отечеству, осознание своей исторической, культурной и духовной принадлежности к своему народу, государству [1]. Патриотизм также рассматривается как самое глубокое человеческое чувство, закрепленное веками и тысячелетиями, обособленное Отечеством. *Патриотизму присущи следующие общие признаки:*

- глубокое чувство любви и верность своей Родине, народу;
- созидательный характер деятельности индивида на благо своей страны, народа;
- готовность защищать Отечество, служить ему, подчинять свои интересы интересам страны;
- готовность к самопожертвованию во имя Отечества [10].

Формирование патриотизма всегда рассматривалось как важнейшая задача отечественной школы, решение их нашло отражение в научной и методической литературе [4, 5, 6, 9, 10, 11 и др.]. Формирование патриотизма — это систематическая и целенаправленная деятельность образовательных учреждений по формированию у растущих граждан высокопатриотического сознания, убеждений, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. «Национальная доктрина образования на период до 2025 года», Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» нацеливают педагогические коллективы школ на оптимизацию учебно-воспитательного процесса по воспитанию патриотизма у учащихся [7]. Сложность патриотического воспитания современных школьников обусловлена следующими факторами:

- происходящей пропагандой в средствах СМИ образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, искажением и фальсификацией истории Отечества, приводящих к дискредитации в глазах учащихся образа Родины;

- воинствующим нигилизмом, сомнением в прошлых достижениях старших поколений;
- внушением средствами массовой информации и государственными институтами комплекса неполноценности и обреченности жить в самой плохой стране;
- негативным отношением к Российской армии, полиции и падением престижа службы в армии;
- агрессивной жестокостью, деформацией внутреннего мира личности в сторону бездуховности и безнравственности;
- отсутствием уверенности в будущее и др. [10].

Как показал анализ массовой педагогической практики, многие учащиеся современных школ слабо знают историю страны, боевые и трудовые подвиги старших поколений. В связи с этим чрезвычайно актуализируются задачи патриотического воспитания растущей смены с опорой на принципы историзма, научности, преемственности, наглядности, систематичности, связи обучения и воспитания с жизнью, компетентности и др.

В формировании патриотизма у школьников важная роль принадлежит образовательной школе. Именно в школьные годы под влиянием учителя в сознание ученика входят священные для каждого россиянина понятия, определяющие духовную жизнь человека, нации: Родина, Отечество, семья, родной язык, родная культура, народ, патриот, долг (дочерний, сыновний).

Опираясь на исследования современных ученых и учитывая возрастные особенности анализируемой группы, мы определили сущность патриотизма у младших подростков как чувство, отражающее устойчивое отношение личности (субъекта) к Родине (объекту), ориентацию на служение её интересам, уважение к истории, традициям, ценностям, культуре, участие в деятельности патриотической направленности. При таком понимании сущности патриотизма мы определили следующие критерии его сформированности:

1) **знаниевый**, показателем которого являются — полнота определения патриотизма, характеристика его существенных признаков;

- 2) **эмоциональный**, заключающийся в чувстве любви к Родине;
- 3) **мотивационно-потребностный**, проявляющийся в деятельности патриотической направленности;
- 4) **поведенческий**, показателем которого является устойчивое нравственное поведение и его общественная активность.

В соответствии с приведенными критериями мы выделили три уровня сформированности патриотизма у младших подростков: *высокий*, которым по данным исследования, проведенного нами в октябре 2013 года среди 126 пятиклассников школ города Чебоксары, обладают 11% (15 учащихся), средний — 48% (62 учащихся) и *низкий* — 38% (49 учащихся). Это стало основанием для поиска новых путей формирования патриотизма у младших подростков на уроках русского языка и литературы.

Мы проанализировали содержание названных учебных дисциплин с целью выявления их воспитательного потенциала, возможности его использования в процессе формирования патриотизма у младших подростков. По нашему мнению, педагогический потенциал названных предметов значительно возрастает за счет использования интегративного подхода. Этот подход призван не только обобщить знания учащихся по отдельным предметам, но и сформировать целостное, системное знание о мире, об обществе, Родине, людях, обеспечить развитие логического и всестороннего мышления.

Вопросам интегрированного обучения различным предметам школьной программы посвящены исследования И. Ю. Алексашиной, Н. С. Антонова, Б. А. Ахлибинского, В. С. Безруковой, Н. А. Беловой, М. К. Енисеева, В. Н. Иванцовой, Л. И. Луцкане, М. С. Пак, А. И. Пайгусова, Н. К. Чапаева и др.

Интегративный подход, вслед за М. С. Пак, мы определяем как методологический подход, ориентирующий субъектов на целостное объединение (интеграцию) каких-либо компонентов при решении стратегических и тактических задач образования (науки) [9].

Способом осуществления интеграции русского языка и литературы в школьном образовании мы считаем систему интегрированных уроков,

разработанную на учебный год, в рамках реализуемой образовательной программы, с учетом поставленной цели — формирования патриотизма у младших подростков. Текст, определяемый в работе Н. А. Беловой интегрирующей основой филологических дисциплин [2], в тоже время мы считаем средством формирования патриотизма у младших подростков. (Рис.1)

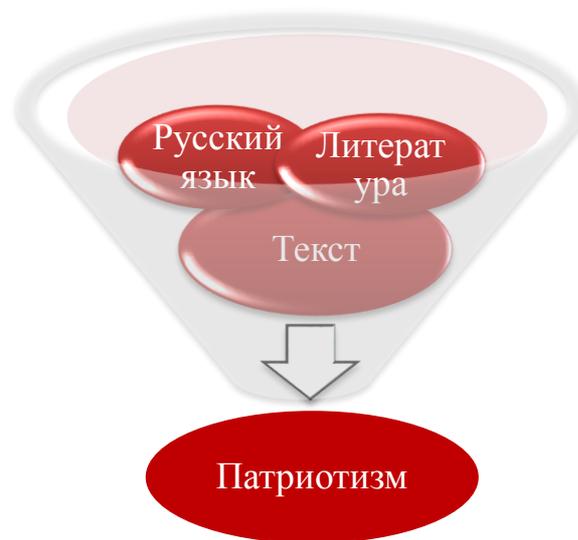

Рис.1.Формирование патриотизма на уроках русского языка и литературы.

При определении уровней интеграции русского языка и литературы в школьном образовании мы пользовались классификацией Н. А. Беловой представленной в работе «Содержание и процесс интеграции филологических дисциплин в школьном образовании». [3]. Целостность образовательного процесса осуществляется за счет универсальности текста, в возможности его использования на всех уровнях интеграции (рисунок 2).

Рис. 2. Использование текста на всех уровнях интеграции.

Текст, представляя собой интегрирующую основу филологических дисциплин, в тоже время выступает средством формирования патриотизма у младших подростков, что предусматривает тщательный и целенаправленный выбор текстов при изучении названных предметов. В. А. Сухомлинский утверждал, что патриотизм — это сложнейшая черта морали, складывающаяся из чувства любви к матери, к семье, к родному селу или городу, к Родине, чувства гордости за свой народ, его труд, ненависть к врагам Родины, ее угнетателям. Соглашаясь с данным утверждением, тексты, используемых на интегрированных уроках русского языка и литературы мы разделили на несколько тематических групп:

- любовь к матери, к семье;
- любовь к родному селу или городу;
- любовь к Родине;
- чувство гордости за свой народ, его труд;
- ненависть к врагам Родины, ее угнетателям.

По этим направления нами были подобраны тексты из классических произведений Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, древнерусской, русской, национальной литератур, которые мы использовали в процессе преподавания русского языка и литературы.

В первой четверти 5-го класса на уроках литературы учащиеся изучают устное народное творчество, богатейший материал для воспитания трудолюбия, чувства любви к Родине. Во второй четверти на уроках русского языка в разделе синтаксис простого предложения на уровне межпредметных связей (минимальной интеграции) пословицы русского языка рассматривались в качестве примеров для иллюстрации правила постановки тире между подлежащим и сказуемым (если оба главных члена выражены именами существительными в именительном падеже). При таком подходе формы работы могут предполагать и самостоятельную проектную деятельность учащихся,

групповую и индивидуальную работу со словарем пословиц и поговорок русского языка В. И. Даля.

Широкие возможности по применению интегрированного подхода в процессе формирования патриотизма у младших подростков на уроках русского языка и литературы представляет собой повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Эпической основой повести «Тарас Бульба» стало национальное единство украинского народа, сложившееся в борьбе с иноземными поработителями. С глубоким сочувствием Гоголь освещает героические подвиги запорожцев, создавая героически-могучие характеры Тараса Бульбы и других казаков, показывая их преданность родине и товариществу, честь, мужество, патриотизм. Уровень межпредметных связей (минимальной интеграции) реализуется в процессе лексической работы, изучением истории возникновения и функционирования в языке таких слов как патриот, герой, долг, отвага, отечество, традиции, смелость; и наряду с ними: казачество, запорожцы, пан, атаман и др. Формы работы могут варьироваться — индивидуальная, групповая или реализация исследовательских проектов, например: «История одного слова». Такие проекты предполагают самостоятельную, целенаправленную деятельность учащихся по сбору информации из различных словарей русского языка (толкового, словаря синонимов, антонимов), разных видов разбора слова (фонетического, морфемного, морфологического).

Знания, полученные таким образом на уроках русского языка, актуализируются затем на уроках литературы, в процессе работы над содержанием повести.

Примером проявления истинного патриотизма, самоотверженности, товарищества, отваги является образ Тараса Бульбы. Особый интерес представляет пламенная речь Тараса о товариществе, произнесенная перед казаками (глава IX). Продолжая работу на уровне межпредметной интеграции учащимся предлагается провести текстологический анализ речи Тараса и выполнить следующие задания:

- *Определить стиль речи Тараса? (Публицистический).*

– *Чем объясняется выбор публицистического стиля?* (Это объясняется ситуацией: речь Тараса имеет огромное общественное значение, цель его — воздействие на казаков, чтобы укрепить их дух перед решающим сражением. Публицистический стиль помогает охарактеризовать Тараса как гражданина, всей душой болеющего за свободу своей Родины, за счастье своего народа)

– *Определить языковые средства и приемы построения текста.* (Побудительные и восклицательные предложения: однородные члены, повторы, обращения, инверсия (“любит и зверь свое дитя”, “проснется оно...и ударится он”, “гнушаются языком своим”), соединение разговорных и книжных средств (“черт знает какие”, “подлюка”, “паскудная милость”, “нет уз святее товарищества”, “крупница русского чувства”, “муками искупить позорное дело” и др. Высказывания злободневные (решается судьба казачьего войска, а вместе с ним — Родины).

От текстологического анализа целесообразно переходить к усложнению задания — созданию собственного текста, например, сочинения (уровень дидактического синтеза). Тематика сочинений может быть предложена на выбор, например: «Размышления о речи Тараса», «Что значит в Русской земле товарищество», «Не гнушайтесь языка своего» и др.

Формы работы, основанные на высокой степени взаимопроникновения русского языка и литературы, следует усложнять из класса в класс в зависимости от цели и задач формирования патриотизма [8].

В конце 2015-2016 учебного года по приведенным выше критериям нами был оценен уровень сформированности патриотизма у младших подростков. Если на начальном этапе высокий уровень демонстрировали 15 учащихся, то на заключительном их стало 57, средний уровень был характерен 62 и сократился до 50, низкий уровень соответственно 49–19. Это свидетельствует об эффективности проведенной нами работы.

Таким образом, формирование патриотизма у младших подростков на основе интегративного подхода на уроках русского языка и литературы осуществляется успешно при выполнении ряда условий:

- 1) высокой методической и теоретической подготовки учителя-словесника;
- 2) использования различных уровней интеграции на уроках русского языка и литературы;
- 3) разработке системы интегрированных уроков;
- 4) тщательном и целенаправленном отборе текстов, выступающих одновременно объектом изучения и средством формирования патриотизма, с другой стороны.

Литература

1. Агапова, И.А. Патриотическое воспитание в школе / И.А. Агапова, М.А. Давыдова. — М.: Айрис-пресс, 2002. — 224 с.
2. Белова, Н. А. Интегративный подход к изучению филологических дисциплин в школе : учебно-методический комплекс дисциплины / Н. А. Белова. —Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т., 2009. — 156 с.
3. Белова, Н. А. Содержание и процесс интеграции филологических дисциплин в школьном образовании [Электронный ресурс] : монография / Н.А. Белова.— 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2014. — 222 с.
4. Буторина, Т.С. Воспитание патриотизма средствами образования / Т. С. Буторина, Н.П. Овчинникова. — СПб.: КАРО, 2004. — 224 с.
5. Воспитание патриотизма в условиях социальных перемен: теоретико-методологические и прикладные основы : Монография / А.В. Вырщиков, М.Б. Кусмарцев, В.И. Лутовинов, Г.Н. Филонов и др.; под ред. С.В. Дармодехина и А.К. Быкова. — М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2007. — 328 с.

6. Глебов, А. А. Воспитание патриотизма, толерантности, культуры межнационального общения /А. А. Глебов. — Волгоград: Перемена, 2004. — 101с.
7. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» <http://government.ru/> дата обращения 18.08.2016
8. Павлов, И.В. Формирование патриотизма у подростков на уроках русского языка и литературы и во внеклассной работе / И. В. Павлов, М. Ю. Кудакова //Вопросы нравственного воспитания в современном образовании. — Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2016.
9. Пак, М. С. Непрерывное химическое образование: методологические ориентиры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2007. — №8 — С. 19-27
10. Патриотическое воспитание: опыт, проблемы, перспективы : сборник науч. статей. — Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009. — 287 с.

References

1. Agapova, I.A. Patrioticheskoe vospitanie v shkole / I.A. Agapova, M.A. Davydova. — М.: Ajris-press, 2002. — 224 p. (*in Russian*)
2. Belova, N. A. Integrativnyj podhod k izucheniyu filologicheskikh disciplin v shkole : uchebno-metodicheskij kompleks discipliny / N. A. Belova. —Saransk : Mordov. gos. ped. in-t., 2009. — 156 p. (*in Russian*)
3. Belova, N. A. Soderzhanie i process integracii filologicheskikh disciplin v shkol'nom obrazovanii [Электронный ресурс] : monografiya / N.A. Belova.— 2-e izd., ster. — М. : FLINTA, 2014. — 222 p. (*in Russian*)
4. Butorina, T.S. Vospitanie patriotizma sredstvami obrazovaniya / T. S. Butorina, N.P. Ovchinnikova. — SPb.: KARO, 2004. — 224 p. (*in Russian*)
5. Vospitanie patriotizma v usloviyah social'nyh peremen: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye osnovy : Monografiya / A.V. Vyrshchikov, M.B.

Kusmarcev, V.I. Lutovinov, G.N. Filonov i dr.; pod red. S.V. Darmodekhina i A.K. Bykova. — M.: Gosdarstvennyj NII sem'i i vospitaniya, 2007. — 328 p. (*in Russian*)

6. Glebov, A.A. Vospitanie patriotizma, tolerantnosti, kul'tury mezhnacional'nogo obshcheniya /A.A. Glebov. — Volgograd: Peremena, 2004. — 101p. (*in Russian*)

7. Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016-2020 gody» <http://government.ru/> (*in Russian*)

8. Pavlov, I.V. Formirovanie patriotizma u podrostkov na urokah russkogo yazyka i literatury i vo vneklassnoj rabote / I. V. Pavlov, M. YU. Kudakova //Voprosy nravstvennogo vospitaniya v sovremennom obrazovanii. — CHEboksary: NII pedagogiki i psihologii, 2016. (*in Russian*)

9. Pak, M. S. Nepreryvnoe himicheskoe obrazovanie: metodologicheskie orientiry // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. — 2007. — №8 — P. 19-27 (*in Russian*)

10. Patrioticheskoe vospitanie: opyt, problemy, perspektivy : sbornik nauch. statej. — CHEboksary : CHuvash. gos. ped. un-t, 2009. — 287 p. (*in Russian*)

**ЭКОНОМИКА АГРАРНОГО СЕКТОРА И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ /
ECONOMY OF AGRICULTURAL SECTOR AND RURAL AREA**

УДК: 338

Смирнова Ольга Олеговна

Кандидат экономических наук

Доцент кафедры современного банковского дела, экономической теории,
финансирования и кредитования

Классическая академия им. Маймонида

Московский государственный университет дизайна и технологий

**МИРОВЫЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КРИЗИСЫ 2008 И 2010 ГОДА:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

К причинам резкого увеличения цен на продовольствие относится значительное количество факторов, к которым относится в том числе и развитие рынка биотоплива, ухудшение качества почв и неурожай, девальвации доллара США, повышение цен на энергоресурсы, а также ограничения на экспорт и импорт в ряде стран. Поэтому результаты прогнозов показывают, что тенденции волатильности цен на продовольствие будут только усиливаться. Значимы и фактор спекулятивных операций на рынке продовольствия, которые считаются причиной повышения цен на продовольствие 2007–2008 года, когда по мнению ряда исследователей не было значительных изменения спроса и предложения, однако изменение цен на продовольствие произошло. Таким образом, экономическое поведение крупнейших игроков рынка продовольствия стало причиной скачкообразного увеличения голодающих в 33 странах мира, «продовольственных бунтов» и стало причиной смены политического строя в ряде менее развитых стран. Волатильность цен на продовольствие как 2008 года, так и 2010 года показала, что одномоментное резкое увеличение цен на основные продовольствия является причиной возникновения политической нестабильности в странах с различным типом федерального устройства. При этом ключевым фактором сохранения существующего режима управления государством являлось наличие продовольственной независимости государства, наличие развитого аграрного сектора экономики даже в условиях недостаточного развития экономики. Таким образом, история показывает, что

поддержание стабильных цен на внутреннем рынке на энергетические и продовольственные является ключевой задачей государства.

Ключевые слова: продовольственный кризис, мировая экономика, цена продовольствия, социальная структура общества, социальная нестабильность, развивающиеся страны, развитые страны, менее развитые страны

Agris subject categories: E 11, E 12, E 71, E 72, E 73, E 90

Olga Smirnova

Ph.D. (Economics)

Associate Professor of modern banking, economic theories,
Finance and lending
State Classical Academy named by Maimonides

THE GLOBAL FOOD CRISES OF 2008 AND 2010: CAUSES AND CONSEQUENCES

The reasons for the sharp increase in food prices means a large number of factors, which include including the development of the biofuels market, the deterioration of soil quality and crop failures, devaluation of the U.S. dollar, increased energy prices, as well as restrictions on exports and imports in several countries. Therefore, the results of the projections show that the trend of volatility of food prices will only increase. Important factor of speculation in the food market, which are considered the reason for the increase in food prices of 2007–2008 when in the opinion of some researchers, there were no major changes in demand and supply, however, the change in food prices has occurred. Thus, the economic behavior of the largest players in the food market became the reason of sudden increase of hungry people in 33 countries around the world, "food riots" and was the cause of the change of political system in some less developed countries. Volatility in food prices as 2008 and 2010 showed that simultaneous sharp increase in prices of basic food is the cause of the political instability in the countries with different type of Federal system. The key factor in the preservation of the existing regime of governance was the presence of food independence, a developed agrarian sector of the economy even in the conditions of

insufficient economic development. Thus, history shows that maintaining stable prices in the domestic market for energy and food is a key task of the state.

Key words: food crisis, the world economy, the price of food, social structure, social instability, developing countries, developed countries, less developed countries

Agris subject categories: E 11, E 12, E 71, E 72, E 73, E 90

За последние 10 лет произошло два продовольственных кризиса, влияние которых широко освещалось в научных исследованиях. Первый кризис произошел в 2008 году, когда с января 2007 года до марта 2008 года цены на продовольствие увеличились на 51% (при этом общий рост по итогам года составил всего 3%). Второй продовольственный кризис привел к повышению цен на продовольствие с января 2010 до февраля 2011 года на 40%, при этом снижение цен произошло только спустя 2,5–2 года [Bellemare, 2015]. Это повышение цен привело к социальным потрясениям в ряде стран Африки, Азии, Европы и Латинской Америки [Verazneva, Lee, 2013].

Изменение цен на продовольствие оказывает значительное влияние на социальное положение населения менее развитых и развивающихся странах, так как значительная часть денежных доходов расходуется на продовольствие, при этом фактически во всех странах существует мнение, что национальные правительства могут осуществлять регулирование цен на продовольствие. Поэтому в ряде источников показана положительная корреляция между социальной напряженностью и индексом цен на продовольствие [Clapp, 2009]. При этом верно и обратное, сохранение цен на продовольствие определяет политическую стабильность в стране, что характерно, например, для России и Индии, где в указанный период не произошло скачкообразного изменения цен.

В этих условиях обобщение современных исследований в области влияния на социальную структуру волатильности цен на продовольствие представляет собой научный интерес в части более полной оценки социального эффекта при регулировании цен на продовольствие [De Schutter, 2010].

В данной работе предлагается систематизировать современные исследования в области оценки влияния волатильности цен на продовольствия (не самого по себе их высокого или низкого уровня, а их резкого увеличения в короткие сроки) на поведение социальных групп граждан.

В целом в данной предметной области можно выделить работы, относящиеся непосредственно к социологии, исследующие различные аспекты поведения социальных групп в различных условиях доступности продовольствия [Reardon, 2003; Sneyd, Legwegoh, Fraser, 2013; Von Braun, Tadesse, 2012]. Современные источники анализа влияния на социальные потрясения в различных странах изменения цен на продовольствия можно условно разделить на два вида:

- посвященные обобщению опыта первого продовольственного кризиса 2008 года, в большей степени в развивающихся и наименее развитых странах Азии, Африки, Европы и Латинской Америки, а также сохранению политических режимов в странах, обладающих продовольственной безопасностью [Wodon, Zaman, 2010];

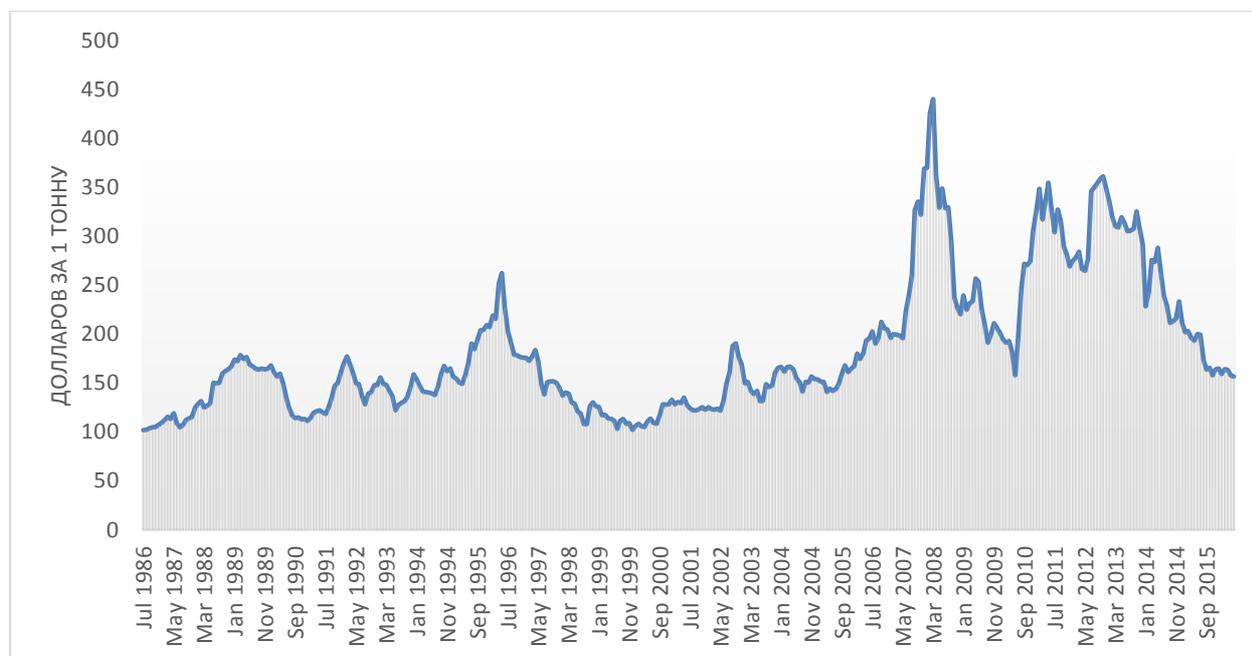
- посвященные обобщению опыта второго продовольственного кризиса 2010 года [Tadasse, 2016].

В ряде исследований рассматривается корреляция между увеличением цен на продовольствие и социальную напряженность в целом, а также уточняется в исследованиях, посвященных оценке социального положения домохозяйств в условиях повышения цен на продовольствие. Также, в ряде источников рассматривается воздействие на доступность продовольствия для населения методов государственного управления.

Волатильность мировых цен на продовольствие в настоящее время значительно повысилась, так, до 2008 году предыдущий продовольственный кризис был в 1972 году. Никогда ранее в условиях организованных биржевых торгов на международных торговых площадках не происходило фактически одномоментное увеличение цен на продовольствие на настолько значительную

величину, прирост цен на некоторые продукты за три-пять месяцев превышал 100%.

В мировой практике для определения общего уровня изменения цен на продовольствие принято рассчитывать индекс цен, включающих несколько видов продуктов (зерновые, мясо, масло, водные биологические ресурсы, овощи и фрукты). Однако применение такого индекса в эконометрических моделях оценки зависимости увеличения цен на продовольствие от возникновения «продовольственных бунтов», так как не все цены, входящие в «корзину» индекса, возросли в указанный период. Также не учтено что при составлении данного показателя не учитывается разнородная структура потребления данных продуктов в странах с различным уровнем развития и традиций потребления отдельных видов продовольствия. Так, в 2008 и 2010-м были существенно увеличивались цены на все зерновые культуры, при этом наиболее значимый рост наблюдался на пшеницу (рис.1) и рис (рис. 2) — наиболее популярные культуры, применяемые при потреблении в наименее развитых и развивающихся странах. Именно с увеличением цен на эти культуры связывают продовольственные кризисы.

[Источник данных: World Bank]

Рис. 1
Цена на пшеницу 1986–2016

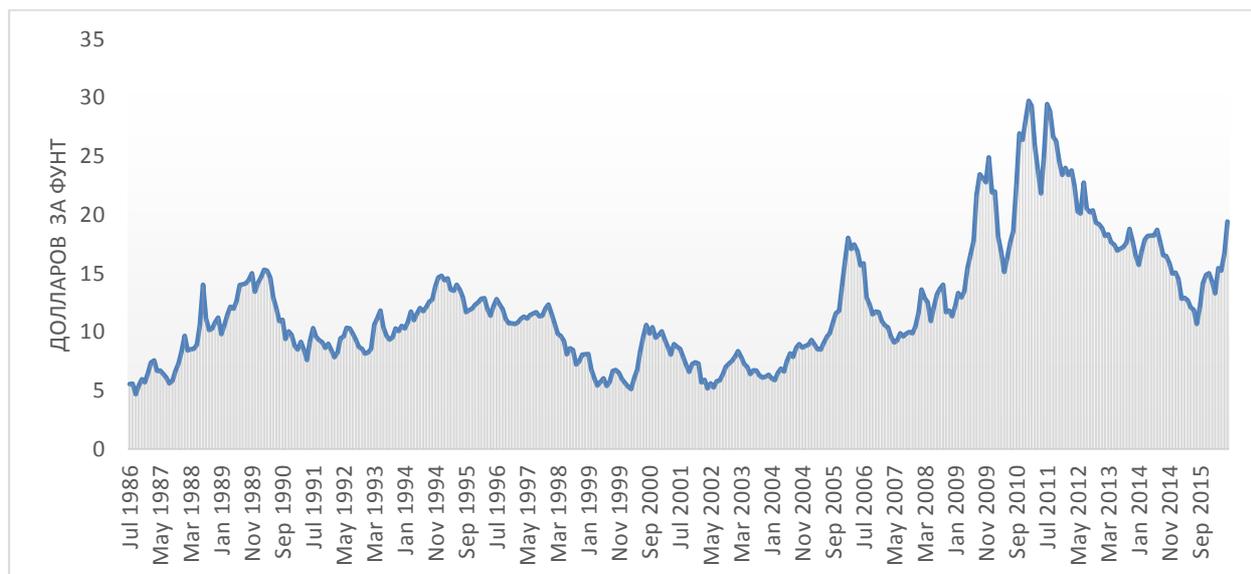
Следует отметить, что цена на рис увеличилась одновременно в 2008 году в более чем 2 раза, однако цены достаточно в краткосрочной перспективе снизились и по данным июня 2016 года находятся на уровне мая 2007 года.

[Источник данных: World Bank]

Рис. 2
Цена на рис 1986–2016

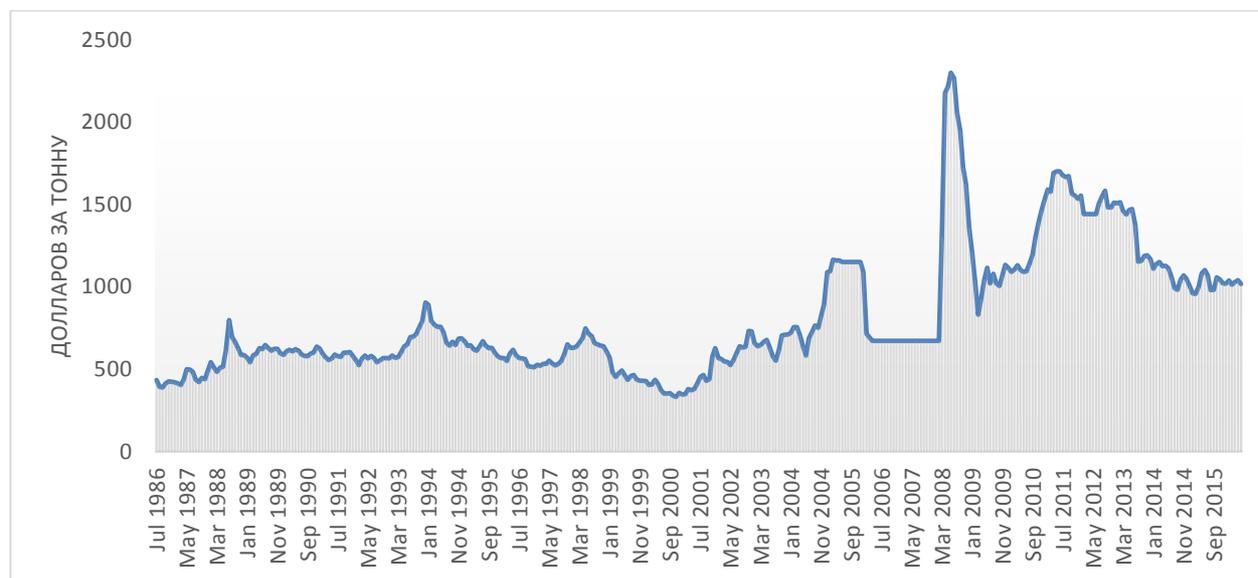
Цены на сахар повторяют тенденцию цены на пшеницу — резкое увеличение в периоды мирового продовольственного кризиса с дальнейшим снижением к ценам сопоставимым с докризисным периодом (рис. 3).

[Источник данных: World Bank]

Рис. 3
Цена на сахар 1986–2016

Еще в большей степени тенденция увеличения цен характерна для цен на подсолнечное масло, цены на которое увеличились в 2,5 раза во второй половине 2008 года.

[Источник данных: World Bank]

Рис. 4

Цена на подсолнечное масло 1986–2016

Значительное количество исследований указывает на то, что значительное количество факторов, к которым относится в том числе и развитие рынка биотоплива [Gardebroeck, Hernandez, 2013], ухудшение качества почв и неурожаи, девальвации доллара США, повышение цен на энергоресурсы, а также ограничения на экспорт и импорт в ряде стран, поэтому результаты прогнозов показывают, что тенденции волатильности цен на продовольствие будут только усиливаться. Значимы и вопросы спекулятивных операций на рынке продовольствия, которые считаются причиной повышения цен на продовольствие 2007–2008 года, когда по мнению ряда исследователей не было значительных изменения спроса и предложения, однако изменение цен на продовольствие произошло. Также, в значительном количестве исследований показано, что низких цен на продовольственные товары на мировом рынке уже не будет, с 2000 по 2008 год цены на пшеницу, масло, молоко увеличились в 3 раза, рис, кукурузу и мясо кур — в 2 раза, значительно увеличились цены на

маниок и пальмовое масло. К 2050 году планируется удвоение цен на основные виды продовольствия.

Все это приводит к необходимости развития инструментов государственного регулирования защиты внутреннего рынка от таких потрясений, а также оценки социальных последствий от волатильности цен на продовольствие.

Волатильность цен на продовольствие как 2008 года, так и 2010 года показала, что одномоментное резкое увеличение цен на основные продовольствия является причиной возникновения политической нестабильности в странах с различным типом федерального устройства. При этом ключевым фактором сохранения существующего режима управления государством являлось наличие продовольственной независимости государства, наличие развитого аграрного сектора экономики даже в условиях недостаточного развития экономики. Таким образом, история показывает, что поддержание стабильных цен на внутреннем рынке на энергетические и продовольственные является ключевой задачей государства.

Литература

1. Смирнова С.М., Елагина А.С., Новоселов С.Н. Влияние глобализации на эволюцию агропромышленных кластеров в развивающихся странах// Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 55-64.
2. Смирнова О.О., Агапова Е.В., Елагина А.С. Возможности и ограничения выявления ценовой дискриминации третьего типа// Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 5 (127). С. 16-18.
3. Елагина А.С. Разработка системы скидок и надбавок на продукцию пищевых производств// Таврический научный обозреватель. 2016. № 4 (9). С. 273-278.

4. Елагина А.С. Принципы устойчивого развития при регулировании продовольственных рынков: обобщение международного опыта// Таврический научный обозреватель. 2015. № 4-3. С. 154-155.
5. Эргашева М. А., Барфиев К. Х. Обоснование направлений развития производства овощей в дехканских хозяйствах Республики Таджикистан// Крымский научный вестник. — №4 — 2015 г., Том 1. «Экономические науки», с. 319-325. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://krvestnik.ru/pub/2015/09/ErgashevaMA-BarfieVKH.pdf>
6. Arezki M. R., Bruckner M. Food prices and political instability. — International Monetary Fund, 2011. — №. 11-62.
7. Bellemare M. F. Rising food prices, food price volatility, and social unrest //American Journal of Agricultural Economics. — 2015. — Т. 97. — №. 1. — С. 1-21.
8. Berazneva J., Lee D. R. Explaining the African food riots of 2007–2008: An empirical analysis //Food Policy. — 2013. — Т. 39. — С. 28-39.
9. Clapp J. Food Price Volatility and Vulnerability in the Global South: considering the global economic context //Third World Quarterly. — 2009. — Т. 30. — №. 6. — С. 1183-1196.
10. De Schutter O. Food Commodities Speculation and Food Price Crises: Regulation to reduce the risks of price volatility //United Nations Special Rapporteur on the Right to Food Briefing Note. — 2010. — Т. 2. — С. 1-14.
11. Fafchamps M. Cash crop production, food price volatility, and rural market integration in the third world //American Journal of Agricultural Economics. — 1992. — Т. 74. — №. 1. — С. 90-99.
12. Gardebroek C., Hernandez M. A. Do energy prices stimulate food price volatility? Examining volatility transmission between US oil, ethanol and corn markets //Energy economics. — 2013. — Т. 40. — С. 119-129.
13. Gilbert C. L. Has food price volatility risen //Technological Studies Workshop on Methods to Analyse Price Volatility. Seville. — 2010. — С. 28-29.

14. Holt-Giménez E. From food crisis to food sovereignty: the challenge of social movements //Monthly Review. — 2009. — Т. 61. — №. 3. — С. 142.
15. Reardon T. The rise of supermarkets in Africa, Asia, and Latin America //American journal of agricultural economics. — 2003. — Т. 85. — №. 5. — С. 1140-1146.
16. Roache S. K. What explains the rise in food price volatility? //IMF Working Papers. — 2010. — С. 1-29.
17. Sneyd L. Q., Legwegoh A., Fraser E. D. G. Food riots: Media perspectives on the causes of food protest in Africa //Food security. — 2013. — Т. 5. — №. 4. — С. 485-497.
18. Tadasse G. Drivers and triggers of international food price spikes and volatility //Food Price Volatility and Its Implications for Food Security and Policy. — Springer International Publishing, 2016. — С. 59-82.
19. Von Braun J., Tadesse G. Food security, commodity price volatility, and the poor //Institutions and Comparative Economic Development. — Palgrave Macmillan UK, 2012. — С. 298-312.
20. Von Braun J., Tadesse G. Global food price volatility and spikes: an overview of costs, causes, and solutions //ZEF-Discussion Papers on Development Policy. — 2012. — №. 161.
21. Wodon Q., Zaman H. Higher food prices in Sub-Saharan Africa: Poverty impact and policy responses //The World Bank Research Observer. — 2010. — Т. 25. — №. 1. — С. 157-176.
22. Wright B. D. The economics of grain price volatility //Applied Economic Perspectives and Policy. — 2011. — Т. 33. — №. 1. — С. 32-58.

References

1. Smirnova S.M., Elagina A.S., Novoselov S.N. Vliyanie globalizacii na jevoljuciju agropromyshlennyh klasterov v razvivajushhihsja stranah// Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra. 2016. № 4. p. 55-64. (in Russian)

2. Smirnova O.O., Agapova E.V., Elagina A.S. Vozmozhnosti i ogranichenija vyjavlenija cenovoj diskriminacii tret'ego tipa// Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2015. № 5 (127). p. 16-18. (*in Russian*)
3. Elagina A.S. Razrabotka sistemy skidok i nadbavok na produkciju pishhevych proizvodstv// Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'. 2016. № 4 (9). p. 273-278. (*in Russian*)
4. Elagina A.S. Principy ustojchivogo razvitija pri regulirovanii prodovol'stvennyh rynkov: obobshhenie mezhdunarodnogo opyta// Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'. 2015. № 4-3. p. 154-155. (*in Russian*)
5. Jergasheva M. A., Barfiev K. H. Obosnovanie napravlenij razvitija proizvodstva ovoshhej v dehkanskih hozjajstvah Respubliki Tadzhiqistan// Krymskij nauchnyj vestnik. — №4 — 2015 g., Tom 1. «Jekonomicheskie nauki», s. 319-325. [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://krvestnik.ru/pub/2015/09/ErgashevaMA-BarfievKH.pdf> (*in Russian*)
6. Arezki M. R., Bruckner M. Food prices and political instability. — International Monetary Fund, 2011. — №. 11-62.
7. Bellemare M. F. Rising food prices, food price volatility, and social unrest //American Journal of Agricultural Economics. — 2015. — T. 97. — №. 1. — S. 1-21.
8. Berazneva J., Lee D. R. Explaining the African food riots of 2007–2008: An empirical analysis //Food Policy. — 2013. — T. 39. — S. 28-39.
9. Clapp J. Food Price Volatility and Vulnerability in the Global South: considering the global economic context //Third World Quarterly. — 2009. — T. 30. — №. 6. — S. 1183-1196.
10. De Schutter O. Food Commodities Speculation and Food Price Crises: Regulation to reduce the risks of price volatility //United Nations Special Rapporteur on the Right to Food Briefing Note. — 2010. — T. 2. — S. 1-14.
11. Fafchamps M. Cash crop production, food price volatility, and rural market integration in the third world //American Journal of Agricultural Economics. — 1992. — T. 74. — №. 1. — S. 90-99.

12. Gardebroek C., Hernandez M. A. Do energy prices stimulate food price volatility? Examining volatility transmission between US oil, ethanol and corn markets //Energy economics. — 2013. — Т. 40. — S. 119-129.
13. Gilbert C. L. Has food price volatility risen //Technological Studies Workshop on Methods to Analyse Price Volatility. Seville. — 2010. — S. 28-29.
14. Holt-Giménez E. From food crisis to food sovereignty: the challenge of social movements //Monthly Review. — 2009. — Т. 61. — №. 3. — S. 142.
15. Reardon T. The rise of supermarkets in Africa, Asia, and Latin America //American journal of agricultural economics. — 2003. — Т. 85. — №. 5. — S. 1140-1146.
16. Roache S. K. What explains the rise in food price volatility? //IMF Working Papers. — 2010. — S. 1-29.
17. Sneyd L. Q., Legwegoh A., Fraser E. D. G. Food riots: Media perspectives on the causes of food protest in Africa //Food security. — 2013. — Т. 5. — №. 4. — S. 485-497.
18. Tadasse G. Drivers and triggers of international food price spikes and volatility //Food Price Volatility and Its Implications for Food Security and Policy. — Springer International Publishing, 2016. — S. 59-82.
19. Von Braun J., Tadesse G. Food security, commodity price volatility, and the poor //Institutions and Comparative Economic Development. — Palgrave Macmillan UK, 2012. — S. 298-312.
20. Von Braun J., Tadesse G. Global food price volatility and spikes: an overview of costs, causes, and solutions //ZEF-Discussion Papers on Development Policy. — 2012. — №. 161.
21. Wodon Q., Zaman H. Higher food prices in Sub-Saharan Africa: Poverty impact and policy responses //The World Bank Research Observer. — 2010. — Т. 25. — №. 1. — S. 157-176.
22. Wright B. D. The economics of grain price volatility //Applied Economic Perspectives and Policy. — 2011. — Т. 33. — №. 1. — S. 32-58.

УДК 332.021 (477.75)

Пернацкая Ольга Олеговна
Генеральный директор,
Межрегиональный институт развития территорий, Ялта

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: ВЫБОР ПРИОРИТЕТОВ РАЗВИТИЯ

Оптимизация структуры спроса в сфере культуры — одна из важнейших государственных задач, потому что влиять на акторов в сфере культуры и формировать спрос имеют возможность: федеральные органы государственной власти, общественность, органы местного самоуправления, отдельные индивиды, предприятия и организации, общественные организации, средства массовой информации. Каждый из них может действовать на определенной территории, с разной силой, и поддержание баланса сфер влияния и сил — один из вопросов государственной безопасности. Поэтому стратегическое управление сферой культуры должно базироваться на государственной политике, но в то же время избегать чрезмерной централизации, реализуя права общин на сохранение культурной идентичности сельских территорий Республики Крым.

Ключевые слова: Сельские территории, Республика Крым, сфера культуры, межэтническое взаимодействие, институты культуры.

Agris subject categories: A 01, B 50, C 30

Olga Pernatskaia
Director-General,
Inter-Regional Institute for Spatial Development, Yalta, Republic of Crimea

THE DEVELOPMENT OF CULTURAL SECTOR IN THE RURAL TERRITORIES OF THE REPUBLIC OF CRIMEA: DEVELOPMENT PRIORITIES CHOICE

The optimization of demand pattern in cultural sector is one of the most important government's tasks. Federal authorities, society, local authorities, several individual, enterprises, social organizations and mass media have an opportunity to influence cultural sector actors and create demand. Each of the organs mentioned above may operate in a particular area and with different force, and keeping a balance in the

spheres of influence and power is one of the national security questions. That is why strategic management of the cultural sector should be based on the state policy and, in the meantime, should avoid overcentralization exercising a right of communities to maintain cultural identity of the rural territories in the Republic of Crimea.

Keywords: Rural territories, the Republic of Crimea, cultural sector, interethnic cooperation, institutes of culture.

Agris subject categories: A 01, B 50, C 30

Развитие культурной сферы сельских территорий Республики Крым является ключевым направлением формирования государственной политики социального развития, сохранения национальных культур народов сельской местности Республики Крыма. Для поиска путей согласования разнонаправленных тенденций в области культурного развития сельских жителей, а также реализации прав на приобщение к культурным ценностям и благам предлагается применение методов стратегического анализа социально-культурной сферы деятельности сельской местности Республики Крым.

Одна из ключевых целей политики развития сельских территорий — это совершенствование системы управления культурной сферой [Пернацкая, Методология оценки..., 2015]. В систему управления должны быть вовлечены все субъекты, осуществляющие региональную политику социального развития сельских территорий: от тех, кем управляют (государственные и негосударственные предприятия, учреждения социальной инфраструктуры сельских поселений), до тех, кто управляет (органы государственной власти, органы местного самоуправления, представительства органов государственной власти, организации, которые финансируют культурные учреждения).

Для системного понимания целей и приоритетов развития сферы культуры Крыма авторами предлагается применение аналитического инструмента построения дерева целей [Грибанов, Грибанов, Пернацкая, 2002]. В результате можно учесть все факторы развития такого многоаспектного явления, как культурная сфера Крыма.

Первая часть дерева целей — это определение приоритетов развития. На основе анализа последних исследований данные цели были сформулированы следующим образом: повышение качества услуг сферы культуры сельских территорий Республики Крым, совершенствование муниципального управления в сфере социально-культурного развития сельских территорий, обеспечение наиболее эффективного соединения национальных приоритетов и потребностей в институтах культуры сельского населения, создание условий для профессионального развития работников сферы культуры сельских поселений.

На основе приоритетов развития создаются основные стратегические цели, которые в дальнейшем конкретизируются стратегическими целями и оперативными целями, на основе которых разрабатываются конкретные программы, проекты и мероприятия [Стратегия..., www; The Culture Programme, 2006].

В соответствии с выявленными приоритетами авторами предлагаются пять стратегических целей: выполнение конституционных гарантий, прав граждан на получение услуг в культурной сфере, обеспечение создания современной системы управления культурной сферой на уровне сельских территорий, популяризация среди населения, расширение видов услуг, развитие системы эстетического воспитания, направленного на сохранение многообразия культурных традиций сельского населения Республики Крым, развития сельского туризма Крыма как одного из приоритетов развития отрасли туризма.

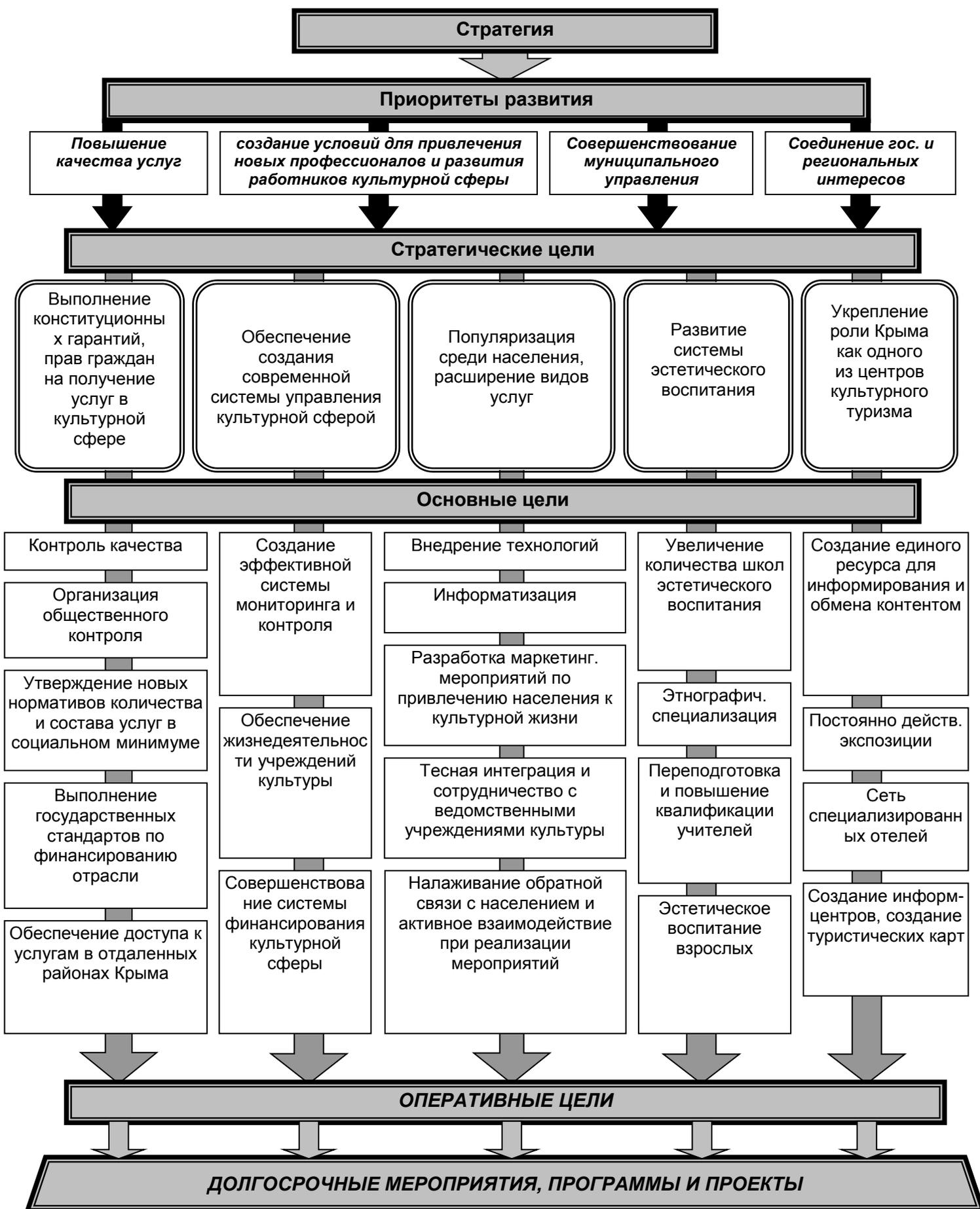

Рис. 1. Дерево целей развития культурной сферы сельских территорий Республики Крым

С точки зрения экономики культуру можно рассматривать как отрасль, в которой вырабатываются особые товары и услуги, а можно — как составляющую социальной инфраструктуры [Culture and local development, 2005; Our creative diversity, 1996]. Но в любом случае ее изучение важно из-за того, что, во-первых, она делает вклад в валовый региональный продукт, во-вторых, в ней создаются рабочие места, а в-третьих, продукты этой сферы являются одной из составляющих социальных потребностей населения. Из-за ряда причин сегодня не в полной мере учитываются культурные услуги при планировании социально-экономического развития, при расчете уровня минимальных социальных потребностей. Одна из причин — несовершенство регулирования сложной подсистемы, которой является культурная сфера.

Уровень развития и пространственная организация подсистем культуры зависит от многих факторов: на это влияет культура потребления этих услуг, развитие инфраструктуры, состояние учреждений культуры, а также сформированный уровень потребностей населения отдельной территориальной громады в определенных видах услуг [Пернацкая, Потребности населения..., 2015].

Потребность в культурных благах — одна из важнейших в жизнедеятельности человека, составляет существенную часть социальной жизни [Griffin, www; Our creative diversity, 1996]. Звенья подсистем культуры по сути играют различную роль в экономике, производя собственный продукт и одновременно обслуживая и способствуя развитию других сфер экономики. Именно поэтому необходимо продолжать исследования, посвященные требованиям и современным запросам к состоянию, уровню развития и пространственной организации подсистем культуры сельских территорий и регулированию их социально-экономического развития.

Уровень требований определяется несколькими факторами: государственной политикой в сфере культурного развития, политикой органов местного самоуправления, а также спросом населения, который формируется

под влиянием традиций местности и предложения культурных услуг со стороны как государственных, так и коммерческих и общественных учреждений.

Согласно действующему законодательству, можно выделить следующие уровни управления культурной сферой, учреждениями культуры и, как следствие, культурным развитием.

1. Федеральный уровень. Определяет общую концепцию культурного развития населения в целом.

2. Региональный уровень. Определяет наличие нормативных документов, регулирующих отдельные аспекты развития сферы культуры региона (например, в части реализации прав коренных народов), или приоритеты развития всей сферы культуры [Овчинников, Космач, 2016].

3. Муниципальный уровень. Определяет возможности поддержки отдельных институтов культуры сельских территорий.

Все эти органы различным образом используют возможности своего влияния на социально-экономическое развитие подсистем культуры. Защищая, прежде всего, свои интересы, но выполняя каждый свою задачу, они должны обеспечить реализацию такой государственной политики, которая бы избегала как слишком сильной централизации, обеспечивая самостоятельность развития культурной сферы сельских территорий, так и чрезмерной открытости, через незащищенность некоторых видов культурной инфраструктуры к новым сложным условиям хозяйствования.

Среди негосударственных учреждений свою долю влияния на определенной территории имеют следующие.

1. Предприятия: как те, что имеют на балансе социально-культурную инфраструктуру, так и те, которые финансово или организационно влияют на культурное развитие, — они формируют предложение на рынке товаров и услуг, которые имеют культурную составляющую.

2. Общественные организации: местные, представительства областных и общегосударственных и международных организаций.

3. Средства массовой информации.

Нельзя забывать и про способность отдельных индивидов управлять культурной деятельностью: члены территориальной общины и потребители, которые формируют спрос на культурные блага [Bille, 2006; Culture and sustainability, 2006; Streeten, 2006].

К сожалению, из-за несовершенства управления этой сферой существует ряд проблемных вопросов:

- не учитываются современные потребности общества и личности при производстве и создании культурных услуг и при подсчете прожиточного минимума и уровня минимальных социальных потребностей;
- морально и материально устаревшая база культурных учреждений в сельской местности в Крыму;
- плохое взаимодействие управляющих подсистем, что приводит к неэффективному управлению на уровне малых населенных пунктов.

Сейчас в разработанных и утвержденных программах и разрабатываемых стратегиях развития районов и городских округов Крыма культура традиционно рассматривается как часть социально-культурной инфраструктуры. Рассмотрение культуры как отдельной отрасли или сферы и, соответственно, разработка мероприятий по ее развитию проводится преимущественно в долгосрочных программах и стратегиях курортных городов и территорий или тех, что ставят задачу по увеличению доходов от туризма. В проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года мероприятия по развитию культурной сферы включены в раздел, посвященный человеческому капиталу: «Креативная молодежь» и «Новое культурное пространство» [Стратегия..., 2016].

Оптимизация структуры спроса в сфере культуры — одна из важнейших государственных задач, потому что влиять на акторов в сфере культуры и формировать спрос имеют возможность: федеральные органы государственной власти, общественность, органы местного самоуправления, отдельные индивиды, предприятия и организации, общественные организации, средства массовой информации. Каждый из них может действовать на определенной

территории, с разной силой, и поддержание баланса сфер влияния и сил — один из вопросов государственной безопасности. В недавнем прошлом, когда Крым находился под юрисдикцией Украины, определенные силы осуществляли действия по расшатыванию государственных институтов, как раз используя рычаги культурной сферы: пресса (относится к креативным или культурным индустриям), общественные организации (первоначально провозглашавшие в своих уставах деятельность, связанную с культурой и развитием).

Поэтому стратегическое управление сферой культуры должно базироваться на государственной политике, но в то же время избегать чрезмерной централизации, реализуя права общин на сохранение культурной идентичности сельских территорий Республики Крым.

Исследование показало, что для развития сферы культуры сельских территорий Республики Крым необходимо применение методов управления сферой культуры, системно объединенных совокупностью приоритетов. При этом в ходе разработки методов управления, позволяющих реализовывать указанные приоритеты, целесообразно определять характер влияния различных институтов культурной сферы сельских территорий на уровень потребления и производства товаров и услуг. Учет этих положений, на наш взгляд, даст возможность более качественно и на новом уровне осуществлять:

- планирование социально-экономического развития на уровне как исполнительных органов власти, так и муниципального управления в сфере развития культуры сельских территорий;
- разработку интегральных индикаторов социально-культурного развития сельских территорий;
- внедрение новой политики расчета сельского населения в благах, производимых сферой культуры;
- экономическую деятельность институтов культуры сельских территорий, в том числе за счет включения в сферу туризма.

Литература

1. Грибанов В.В., Грибанов М.В., Пернацкая О.О. Концепция региональной стратегии развития Большой Ялты // Бизнес Информ. 2002. № 9-10. С. 25-37.
2. Овчинников Р.А., Космач Б.В. Формирование регулирования государственной поддержки национально-культурных автономий в Республике Крым: проект нормативного правового акта // Таврический научный обозреватель. 2016. Т. 9. № 4. С. 133-143.
3. Пернацкая О.О. Методология оценки индекса социально-экономического развития культурной сферы // Крымский научный вестник. 2015. № 2. С. 21-32.
4. Пернацкая О.О. Потребности населения в социально-экономических подсистемах культуры: региональные и национальные аспекты // Крымский научный вестник. 2015. № 1. С. 2-12.
5. Пернацька О.О. Обґрунтування індексу соціально-економічного розвитку культурної сфери районів АР Крим // Регіональна економіка. 2007. № 4. С. 93.
6. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. URL: <http://rk.gov.ru/rus/info.php?id=635811>
7. Шевчук Л.Т., Пернацька О.О. Інноваційні аспекти регулювання економічного розвитку підсистем культури в регіоні // Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Інноваційний розвиток регіональних суспільних систем: зб. наук. пр. Львів: Інститут регіональних досліджень, 2008. Вип. 5 (73). С. 241-249.
8. Bille T. Culture in urban and regional development // Ginsburgh V.A., Throsby D. (eds.) Handbook of the economics of art and culture. Elsevier B.V., 2006. Vol. 1. P. 1052-1099.
9. Casson M. Culture and economic performance // Ginsburgh V.A., Throsby D. (eds.) Handbook of the economics of art and culture. Elsevier B.V., 2006. Vol. 1. P. 360-397.

10. Cities and communities: cultural indicators at the local level. URL: www.creativecity.ca/cecc
11. Culture and local development. OECD Publishing, 2005. 198 p.
12. Culture and sustainability. Barcelona, 2006. 102 p.
13. Griffin K. Culture, human development and economic growth. URL: <http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/search/A96A30394656266E80256B67005B6D37?OpenDocument>
14. Jochimsen R. Theorie der Infrastruktur. Tübingen, 1966.
15. Hribar M.Š., Lozej Š.L. The role of identification and management of cultural values at development of rural areas // Geografski zbornik / Acta geographica Slovenica. 2013. Vol. 53. No. 2. P. 372-378.
16. Nicely A., Sydnor S. Rural tourism development // Journal of travel research. 2015. Vol. 54. No. 6. P. 717-729.
17. Our creative diversity: report of the World Commission on Culture and Development. Summary version. Paris, 1996. 66 p.
18. Rizzo I. Cultural heritage: economic analysis and public policy // Ginsburgh V.A., Throsby D. (eds.) Handbook of the economics of art and culture. Elsevier B.V., 2006. Vol. 1. P. 984-1016.
19. Streeten P. Culture and economic development // Ginsburgh V.A., Throsby D. (eds.) Handbook of the economics of art and culture. Elsevier B.V., 2006. Vol. 1. P. 400-412.
20. The Culture Programme (2007-2013): established by the Decision No 1855/2006/EC of the European Parliament and of the Council // Official journal of the European Union. 2006. № L372.
21. Throsby D. Determining the value of cultural goods: how much (or how little) does contingent valuation tell us? URL: <http://culturalpolicy.uchicago.edu/sites/culturalpolicy.uchicago.edu/files/Throsby.pdf>
22. Throsby D. Paying for the past: economics, cultural heritage and public policy. URL: <http://www.econ.mq.edu.au/news/?a=17586>

References

1. Bille T. (2006) Culture in urban and regional development. In: Ginsburgh V.A., Throsby D. (eds.) *Handbook of the economics of art and culture*, Vol. 1. Elsevier B.V., pp. 1052-1099.
2. Casson M. (2006) Culture and economic performance. In: Ginsburgh V.A., Throsby D. (eds.) *Handbook of the economics of art and culture*, Vol. 1. Elsevier B.V., pp. 360-397.
3. *Cities and communities: cultural indicators at the local level*. Available from: www.creativecity.ca/cecc [Accessed 03/02/16].
4. *Culture and local development* (2005). OECD Publishing.
5. *Culture and sustainability* (2006). Barcelona.
6. Griбанov V.V., Griбанov M.V., Pernatskaya O.O. (2002) Kontsepsiya regional'noi strategii razvitiya Bol'shoi Yalty [The conception of regional development strategy of Bolshaya Yalta]. *Biznes Inform* [Business Inform], 9-10, pp. 25-37.
7. Griffin K. (1997) *Culture, human development and economic growth*. Available from: <http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/search/A96A30394656266E80256B67005B6D37?OpenDocument> [Accessed 02/03/16].
8. Hribar M.Š., Lozej Š.L. (2013) The role of identification and management of cultural values at development of rural areas. *Geografski zbornik / Acta geographica Slovenica*, 53 (2), pp. 372-378.
9. Jochimsen R. (1996) *Theorie der Infrastruktur* [Theory of infrastructure]. Tubingen.
10. Nicely A., Sydnor S. (2015) Rural tourism development. *Journal of travel research*, 54 (6), pp. 717-729.
11. *Our creative diversity: report of the World Commission on Culture and Development. Summary version* (1996). Paris.
12. Ovchinnikov R.A., Kosmach B.V. (2016) Formirovanie regulirovaniya gosudarstvennoi podderzhki natsional'no-kul'turnykh avtonomii v Respublike Krym: proekt normativnogo pravovogo akta [Regulation of government support for cultural

autonomies in the Republic of Crimea: regulatory act draft]. *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'* [Taurian scientific observer], 9 (4), pp. 133-143.

13. Pernats'ka O.O. (2007) Obruntuvannya indeksu sotsial'no-ekonomichnogo ro-zvitku kul'turnoi sferi raioniv AR Krim [Grounding of the index of cultural sector social and economic development in Autonomous Republic of Crimea]. *Regional'na ekonomika* [Regional economics], 4, p. 93.

14. Pernatskaya O.O. (2015) Metodologiya otsenki indeksa sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya kul'turnoi sfery [Methodology of estimating the index of cultural sector social and economic development]. *Krymskii nauchnyi vestnik* [Crimean academic journal], 2, pp. 21-32.

15. Pernatskaya O.O. (2016) Potrebnosti naseleniya v sotsial'no-ekonomicheskikh podsistemakh kul'tury: regional'nye i natsional'nye aspekty [Public demand for social and economic cultural subsystems: regional and national aspects]. *Krymskii nauchnyi vestnik* [Crimean academic journal], 1, pp. 2-12.

16. Rizzo I. (2006) Cultural heritage: economic analysis and public policy. In: Ginsburgh V.A., Throsby D. (eds.) *Handbook of the economics of art and culture*, Vol. 1. Elsevier B.V., pp. 984-1016.

17. Shevchuk L.T., Pernats'ka O.O. (2008) Innovatsiini aspekti regulyuvannya ekonomichnogo rozvitku pidsistem kul'turi v regioni [Innovative aspects of the regulation of cultural subsystem economic development in the region]. *Sotsial'no-ekonomichni problemi suchasnogo periodu Ukraïni. Innovatsiinii rozvitok regional'nikh suspil'nikh sistem: zb. nauk. pr.* [Social and economic problems of the modern Ukraine. Innovative development of regional social systems: collection of research papers], Vol. 5 (73). Lviv: Institute of Regional Research, pp. 241-249.

18. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Krym do 2030 goda* [The strategy of social and economic development of the Republic of Crimea until 2030]. Available from: <http://rk.gov.ru/rus/info.php?id=635811> [Accessed 22/02/16].

19. Streeten P. (2006) Culture and economic development In: Ginsburgh V.A., Throsby D. (eds.) *Handbook of the economics of art and culture*, Vol. 1. Elsevier B.V., pp. 400-412.

20. The Culture Programme (2007-2013): established by the Decision No 1855/2006/EC of the European Parliament and of the Council (2006). *Official journal of the European Union*, L372.

21. Throsby D. *Determining the value of cultural goods: How much (or how little) does contingent valuation tell us?* Available from: <http://culturalpolicy.uchicago.edu/sites/culturalpolicy.uchicago.edu/files/Throsby.pdf> [Accessed 15/02/16].

22. Throsby D. *Paying for the past: economics, cultural heritage and public policy*. Available from: <http://www.econ.mq.edu.au/news/?a=17586> [Accessed 15/02/16].

УДК 338

Смирнова Ольга Олеговна

Кандидат экономических наук

Доцент кафедры современного банковского дела, экономической теории,
финансирования и кредитования

Классическая академия им. Маймонида

Московский государственный университет дизайна и технологий

Шихина Нина Ивановна

Старший преподаватель кафедры

Современного банковского дела, экономической теории,
финансирования и кредитования

Классическая академия им. Маймонида

Московский государственный университет дизайна и технологий

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЧАЕВ ЦЕНОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ НА РЫНКАХ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

При рассмотрении правоотношений между субъектами рынка учитываются только отношения между производителем (продавцом) и потребителем (покупателем). Для судебных органов принципиально значимым является то, что контрагенты не признают действия доминирующих фирм по установлению различных цен нарушением их законных прав. Таким образом, суды не рассматривают положения подпункта 6 пункта 1 Закона о защите конкуренции с позиции отраженного в ней принципа «a priori», то есть в принципе, вне зависимости от того наносит ли такое поведение ущерб контрагентам. Так, в современной научной литературе является доказанным, что такое рыночное поведение приводит к нерациональному распределению ресурсов, поэтому судам необходимо рассматривать такое поведение с позиции вреда для состояния конкуренции в целом.

Ключевые слова: продовольственные рынки, антимонопольное регулирование, ценовая дискриминация, судебная практика, конкуренция

Agris subject categories: E 11, E 72, E 73, E 90

Olga Smirnova

Ph.D. (Economics)

Associate Professor of modern banking, economic theories,
Finance and lending

Nina Shihina

Senior lecturer

Modern banking, economic theory,
financing and crediting

Classical Academy. Maimonides

Moscow state University of design and technology

REGULATION OF THE CASES OF PRICE DISCRIMINATION IN THE MARKETS OF FOOD

When considering the relationships between entities are taken into account only the relations between the producer (seller) and the customer (buyer). For the judiciary is fundamentally important is that counterparties do not recognize the actions of dominant firms to set different prices to the violation of their legitimate rights. Thus, courts do not consider the provisions of subparagraph 6 of paragraph 1 of the Law on protection of competition from the position reflected in it the principle of "a priori", that is, in principle, regardless of what does this behavior damage contractors. So, in modern scientific literature it is proven that such market behavior leads to irrational allocation of resources, therefore, the courts must consider this behavior from the perspective of harm to competition in General.

Key words: food markets, Antimonopoly regulation, price discrimination, litigation, competition

Agris subject categories: E 11, E 72, E 73, E 90

Согласно судебной практике рассмотрения около 50% споров о признании недействительными решений о нарушении антимонопольного законодательства, выразившегося в установлении доминирующей различных цен без

соответствующих экономических обоснований (подпункт 6 пункта 1 статьи 10 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» от 26.04.2006, далее Закон о защите конкуренции) по данным 2007–2014 годов признаются недействительными [Смирнова, 2015]. При этом, в среднем количество решений антимонопольных органов, оспариваемых в судах, но оставляемых в силе составляет около 80% по остальным составам доминирующего положения. В отношении случаев установления различных цен на продовольствие, суды не оставляют в силе установленные случаи нарушения антимонопольного законодательства. Таким образом, судебные и антимонопольные органы по-разному трактуют положения подпункта 6 пункта 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, что ограничивает возможности регулирования деятельности занимающих доминирующее положение хозяйствующих субъектов на товарных рынках и продуктовых рынков в частности в целях предотвращения ценовой дискриминации. Все это требует переосмысления существующей правовой модели регулирования ценовой дискриминации и поиска путей ее совершенствования.

Согласно самому общему определению ценовая дискриминация — это установление доминирующими фирмами различных цен на схожий товар при одинаковом уровне затрат и установление одинаковых цен на схожий товар при различном уровне затрат [Богданов, 2015].

В антимонопольном законодательстве многих стран есть нормы, прямо запрещающие ценовую дискриминацию. Отношения, возникающие при применении такого рыночного поведения, регулируются статьей 82 (с) Договора о ЕС. В данном нормативном акте указывается, что запрещаются действия одной или нескольких фирм, занимающих доминирующее положение, заключающиеся «в применении различных условий к эквивалентным операциям обмена к различным контрагентами, которые могут привести к потере ими конкурентного преимущества» [Смирнова, Агапова, Елагина, 2015]. При применении положений данной статьи при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства учитывается то, насколько нанесен ущерб

потребителям в результате действий доминирующей фирмы, однако в целом применяется принцип «a priori», то есть действия по ущемлению интересов потребителей запрещены, вне зависимости от размера или подтвержденного наличия ущерба [Griffin, 1999]. Кроме того, учитывается не только нанесенный или потенциально нанесенный ущерб потребителя, но и возможный ущерб для конкурентов и потребителей конкурентов [Korah, 2013]. В практике принятия решений о нарушении антимонопольного законодательства в решениях указывается на наличие ущерба, оцениваемого в денежном измерении, но и в таких категориях как «потеря конкурентоспособности» [Смирнова, Богданов, 2011].

Примером рассмотрения дел о нарушении принципов конкуренции, рассмотренный Комиссией ЕС случай нарушения антимонопольного законодательства оптовой компанией Irish Sugar в результате рассмотрения которого было доказано, что компания предоставляла скидки крупным оптовикам, при этом анализ показал, что различия в установленных для различных потребителей ценах не могли быть объяснены различиями в удельных коммерческих затратах. Рассматривая случаи на смежных с продовольственным рынком следует отметить установленный Комиссией ЕС случай установления различных цен для потребителей различных регионов [Muheme, Neyrinck, Petit, 2016].

Таким образом, в практике ЕС правовая модель регулирования ценовой дискриминации включает в себя доказательство фактического или потенциально возможного ущерба для широкого круга лиц, включающих в себя не только потребителей, но и конкурентов и потребителей конкурентов.

В данной работе используются формально-правовые методы анализа к определению правовой модели регулирования ценовой дискриминации в России, сопоставления правовых моделей регулирования ценовой дискриминации России и ЕС, а также анализ субъектного состава правоотношений, возникающих в результате применения норм антимонопольного права в отношении установления занимающим

доминирующее положение хозяйствующим субъектом экономически необоснованных цен на идентичный товар.

Материалами исследования являются решения антимонопольных органов в отношении нарушения антимонопольного законодательства на рынках продовольствия, а также решения и постановления арбитражных судов по результатам обжалования данных решений по делам А38-1798/2011, А38-209/2012, А73-5296/2007-21, А27-15813/2012, А03-5564/2011, А27-16020/2010, А65-7387/2010, А13-4297/2008, А53-10183/2009, А63-604/2010, А34-2313/2011, А50-22165/2012.

Согласно подпункту 6 пункта 1 статьи 10 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» запрещается экономически, технологически и иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар, если иное не установлено федеральным законом. Содержание данной нормы идентично определенному в Договоре о Евразийском экономическом союзе. Согласно подпункту 6 пункта 1 статьи 76 данного нормативного документа запрещается экономически, технологически или иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар, создание дискриминационных условий с учетом особенностей, предусмотренных Договором и (или) другими международными договорами государств-членов. Аналогично нормативно определена ценовая дискриминация и в законодательстве ЕС. В статье 82 (с) Договора о Европейском Союзе указывается, что запрещаются для фирм, занимающих доминирующее положение, занимающих доминирующее положение, заключающиеся «в применении различных условий к эквивалентным операциям обмена к различным контрагентам, которые могут привести к потере ими конкурентного преимущества».

Таким образом, правовая модель предотвращения ценовой дискриминации включает в себя установление доминирующего положения фирмы, а затем квалификация антимонопольным органом признаков нарушения антимонопольного законодательства в части экономически необоснованного

установления различных цен потребителя. В данной работе будет рассмотрено толкование судами положений о правомерности установления дифференцированных цен на идентичный товар, а также определение экономической обоснованности такого установления цен и определении ущерба, нанесенного таким ценовым поведением хозяйствующим субъектам, осуществляющих деятельность на рынке нарушителя в качестве производителя или потребителя.

Рассмотрим судебное толкование норм, регулирующих ценовую дискриминацию.

Фактически, во всех решениях судов указывается, что хозяйствующий субъект, признанный нарушившим антимонопольное законодательство, не занимает доминирующее положение на рынке, где было выявлено данное нарушение. В некоторых случаях, после установления того, что антимонопольным органов не доказано доминирующее положение, дальнейшее рассмотрение экономических условий обращения товара не производилось. К таким случаям можно отнести Решение по делу А27-15813/2012 Арбитражного суда Кемеровской области, где решение антимонопольного органа отменяется на основании того, что не было установлено доминирующее положение ОАО «Ленинск-Кузнецкий хлебокомбинат» на рынке оптовой реализации хлеба и хлебобулочных изделий. Аналогично оценен установленный антимонопольным органов состав правонарушения ООО «Торговый дом «Русский хлеб», определенный решением Арбитражного суда Алтайского края А03-5564/2011.

В ряде случаев, судебными органами указывается на то, что при вынесении решений не были проанализированы условия осуществления деятельности. Так, в решении по делу А73-5296/2007-21 Арбитражного суда Хабаровского края по заявлению ОАО «ДАГКОМС» об отмене решения, принятого антимонопольным органом о признании заявителя нарушившим антимонопольное законодательство в части установления различных закупочных цен на сырое молоко было определено что факт что различие в затратах не соответствуют различиям в ценах. Так, у ряда сельхозпроизводителей хозяйствующий субъект

закупал молоко первого сорта по цене 11 рублей за литр, а у других производителей — по 15 рублей за литр. В решении арбитражного суда было указано, что антимонопольным органом не было изучено, что затраты по приемке молока различных потребителей существенно отличаются, по мнению заявителя, между тем как в решении антимонопольного органа делаются выводы о наличии такого факта, однако не представлены доказательства, позволяющие сделать однозначный вывод об отсутствии экономических оснований для установления различных цен.

Также было отменено дело по заявлению Арбитражного суда Ставропольского края А63-604/2010 ОАО «Сыродел» о нарушениях, выразившего в злоупотреблении доминирующим положением в части установления различных цен для потребителей.

Аналогичный состав правонарушения рассматривался антимонопольным органом в отношении деятельности ОАО «ВАМИН Татарстан» на рынке закупки сырого молока Республики Татарстан. Решением Арбитражного суда Республики Татарстан по делу № А65-7387/2010 данное решение антимонопольного органа было оставлено в силе, так как суду не были представлены доказательства неправомерности расчетов антимонопольного органа при установлении факта различных цен на идентичную продукцию.

Решением от 11 апреля 2012 г. по делу № А38-1798/2011 Арбитражного суда Республики Марий Эл было определено что заявитель, ЗАО «Йошкар-Олинский комбинат хлебопродуктов», согласно решению антимонопольного органа, был определен как субъект, занимающий доминирующее положение на рынке муки пшеничной второго сорта и нарушившим пункт 6 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции в связи с необоснованным установлением различных отпускных цен на муку пшеничную второго сорта в 1 полугодии 2010 года для разных покупателей. Заявитель отметил, что антимонопольный орган необоснованно не принял доводы о наличии экономических и технических причин для установления различных цен для разных потребителей, которые зависят от географического местоположения клиента (транспортные издержки

собственного и привлеченного транспорта), объема заказа клиента, возможности объединения заказов в несколько маршрутов, объема поставляемой клиенту продукции (снижаются удельные трудовые и материальные затраты), условий оплаты (предоплата или товарный кредит). Антимонопольный орган указал что все эти факторы были проанализированы. Привлеченные к участию третьи лица — потребители заявителя указали на то, что его действия им не был нанесен ущерб и их права не были нарушены. На основании данных выводов решение антимонопольного органа было отменено.

Аналогичным образом Решением Арбитражного суда Республики Марий Эл А38-209/2012 было отменено решение антимонопольного в отношении доминирующего на рынке оптовой реализации гречки-ядрицы ЗАО «Парус-Плюс». Указанный хозяйствующий субъект был признан нарушившим антимонопольное законодательство так как при равных условиях осуществлял поставки в бюджетные учреждения по ценам выше установленных для коммерческих хозяйствующих субъектов, при этом также были проанализированы условия осуществления поставок и показано, что они не отличаются по отношению к затратам. Привлеченные третьи лица — покупатели гречки-ядрицы в своих отзывах указали на то, что их права не нарушены, а установленные цены они считают справедливыми, установленными в результате соотношения спроса и предложения. Решением Арбитражного суда Волгоградской области по делу А13-4297/2008 ОАО «Вологодский комбинат хлебопродуктов» было отменено решение антимонопольного органа по факту установления различных цен занимающим доминирующее положение хозяйствующим субъектом на оптовом рынке хлебопродуктов по причине учета мнения привлеченных лиц — контрагентов указавших, что их права не были ущемлены.

Дело Арбитражного суда А53-10183/2009 по отношению к аналогичному случаю ОАО «Азовский хлеб» было направлено на повторное рассмотрение после отмены решения антимонопольного органа для исследования

обстоятельств неправомерного установления различных цен для по географическому признаку без соответствующего экономического обоснования.

Результаты рассмотрения судебной практики показывают, что при рассмотрении правоотношений между субъектами рынка учитываются только отношения между производителем (продавцом) и потребителем (покупателем). Для судебных органов принципиально значимым является то, что контрагенты не признают действия доминирующих фирм по установлению различных цен нарушением их законных прав. Таким образом, суды не рассматривают положения подпункта 6 пункта 1 Закона о защите конкуренции с позиции отраженного в ней принципа «a priori», то есть в принципе, вне зависимости от того наносит ли такое поведение ущерб контрагентам. Так, в современной научной литературе является доказанным, что такое рыночное поведение приводит к нерациональному распределению ресурсов, поэтому судам необходимо рассматривать такое поведение с позиции вреда для состояния конкуренции в целом.

В этой связи представляется значимым совершенствование методик по развитию доказательной базы наличия ущерба состоянию конкуренции на рынке, которое не зависит от понимания своих прав в свете антимонопольного законодательства участвующими в рассмотрении третьими лицами.

Также, весьма важно определить особенности ценового поведения хозяйствующего субъекта, например, разделению покупателей по географическому или отраслевому признаку. Все это позволяет судам определять последовательность в действиях признанного нарушителем антимонопольного законодательства, что видно в сравнении решения ОАО «Азовский хлеб» и ОАО «Волгоградский комбинат хлебопродуктов», где в первом случае была выявлена пространственная ценовая дискриминация, то есть установление различных цен в регионах, а во втором случае был установлен факт установления различных цен, при этом не был определен принцип разделения потребителей или источник рыночной власти потребителей, позволяющих получить более выгодные условия.

Регулирование ценовой дискриминации на продовольственных рынках России существенным образом ограничена тем, что фактически все оспариваемые решения антимонопольных органов отменяются судами. Между тем согласно значительному количеству исследований ценовая дискриминация является весьма распространенной практикой ценообразования, так как позволяет повысить прибыль хозяйствующего субъекта при несоразмерно меньших затратах на анализ возможности устанавливать дифференцированные цены для потребителей. Таким образом, в России фактически отсутствуют институциональные условия для регулирования ценовой дискриминации на рынках продовольствия, о чем говорит и постоянное уменьшение рассматриваемых по данной статье нарушений по отношению ко всем видам товарных рынков. Часто продовольствие имеет непостоянный химический состав и его цена может существенно варьироваться (например, как случае закупки сырого молока). Также цена может различаться в зависимости от сезона или урожая, что при резком увеличении цены может быть определено как ценовая дискриминация. Скрашенные сроки хранения некоторых продовольственных товаров могут оказывать влияние на выбор поставщиков и существенным образом ограничивать географические границы рынка. Все это усложняет оценку правомерности определения антимонопольными органами состава правонарушения и требует дальнейшего развития норм антимонопольного права для более точной трактовки судами наличия или отсутствия злоупотреблении доминирующим положением, выразившихся в установлении различных цен для потребителей.

Литература

1. Решение по делу А38-1798/2011
2. Решение по делу А38-209/2012
3. Решение по делу А73-5296/2007-21
4. Решение по делу А27-15813/2012
5. Решение по делу А03-5564/2011

6. Решение по делу А27-16020/2010
7. Решение по делу А65-7387/2010
8. Решение по делу А13-4297/2008
9. Решение по делу А53-10183/2009
10. Решение по делу А63-604/2010
11. Решение по делу А34-2313/2011
12. Решение по делу А50-22165/2012
13. Федеральный Закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» от 26.04.2006
14. Договор о Евразийском экономическом союзе
15. Договор о Европейском союзе
16. Богданов Д.Д. Институциональные аспекты регулирования ценового поведения доминирующей фирмы// Таврический научный обозреватель. 2015. № 1. С. 15-16.
17. Богданов Д.Д. Регулирование пространственной ценовой дискриминации: российский и международный опыт// Крымский научный вестник. 2015. № 1 (1). С. 21-26.
18. Смирнова О.О. Антимонопольное регулирование ценовой дискриминации в российской федерации: обобщение результатов 2007-2014 гг. // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 6-7. С. 23-38.
19. Смирнова О.О., Агапова Е.В., Елагина А.С. Антимонопольное регулирование ценовой дискриминации: нормативное определение и особенности выявлений// Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 6 (128). С. 6-8.
20. Смирнова О.О., Богданов Д.Д. Антимонопольное регулирование и отраслевое законодательство: опыт взаимодействия на примере рынка розничной торговли// Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 77-90.
21. Griffin J. P. Extraterritoriality in US and EU antitrust enforcement // Antitrust Law Journal. — 1999. — Т. 67. — №. 1. — С. 159-199. Tichý L. The Decline of the Territoriality Principle in EU Antitrust Law // Rabels Zeitschrift fuer

- auslaendisches und internationales Privatrecht. — 2014. — Т. 78. — №. 1. — С. 193-228.
22. Korah V. Book Review: Market Power in EU Antitrust Law, by Luis Blanco, translated by Andrew Read. (Hart Publishing, 2012) // World Competition. — 2013. — Т. 36. — №. 1. — С. 188-189.
23. Muheme D., Neyrinck N., Petit N. Procedural Rights in EU Antitrust Proceedings // Procedural Rights in Competition Law in the EU and China. — Springer Berlin Heidelberg, 2016. — С. 129-160.

References

1. Reshenie po delu A38-1798/2011 (*in Russian*)
2. Reshenie po delu A38-209/2012 (*in Russian*)
3. Reshenie po delu A73-5296/2007-21 (*in Russian*)
4. Reshenie po delu A27-15813/2012 (*in Russian*)
5. Reshenie po delu A03-5564/2011 (*in Russian*)
6. Reshenie po delu A27-16020/2010 (*in Russian*)
7. Reshenie po delu A65-7387/2010 (*in Russian*)
8. Reshenie po delu A13-4297/2008 (*in Russian*)
9. Reshenie po delu A53-10183/2009 (*in Russian*)
10. Reshenie po delu A63-604/2010 (*in Russian*)
11. Reshenie po delu A34-2313/2011 (*in Russian*)
12. Reshenie po delu A50-22165/2012 (*in Russian*)
13. Federal'nyj Zakon № 135-FZ «O zashhite konkurencii» ot 26.04.2006 (*in Russian*)
14. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze (*in Russian*)
15. Dogovor o Evropejskom sojuze (*in Russian*)
16. Bogdanov D.D. Institucional'nye aspekty regulirovanija cenovogo povedenija dominirujushhej firmy // Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'. 2015. № 1. p. 15-16. (*in Russian*)

17. Bogdanov D.D. Regulirovanie prostranstvennoj cenovoj diskriminacii: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt// Krymskij nauchnyj vestnik. 2015. № 1 (1). p. 21-26. *(in Russian)*

18. Smirnova O.O. Antimonopol'noe regulirovanie cenovoj diskriminacii v rossijskoj federacii: obobshhenie rezul'tatov 2007-2014 gg. //Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra. 2015. № 6-7. p. 23-38. *(in Russian)*

19. Smirnova O.O., Agapova E.V., Elagina A.S. Antimonopol'noe regulirovanie cenovoj diskriminacii: normativnoe opredelenie i osobennosti vyjavlenij// Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2015. № 6 (128). p. 6-8. *(in Russian)*

20. Smirnova O.O., Bogdanov D.D. Antimonopol'noe regulirovanie i otraslevoe zakonodatel'stvo: opyt vzaimodejstvija na primere rynka roznichnoj trgovli// Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra. 2011. № 2. p. 77-90. *(in Russian)*

21. Griffin J. P. Extraterritoriality in US and EU antitrust enforcement //Antitrust Law Journal. — 1999. — T. 67. — №. 1. — S. 159-199. Tichý L. The Decline of the Territoriality Principle in EU Antitrust Law //Rabels Zeitschrift fuer auslaendisches und internationales Privatrecht. — 2014. — T. 78. — №. 1. — S. 193-228.

22. Korah V. Book Review: Market Power in EU Antitrust Law, by Luis Blanco, translated by Andrew Read.(Hart Publishing, 2012) //World Competition. — 2013. — T. 36. — №. 1. — S. 188-189.

23. Muheme D., Neyrinck N., Petit N. Procedural Rights in EU Antitrust Proceedings //Procedural Rights in Competition Law in the EU and China. — Springer Berlin Heidelberg, 2016. — S. 129-160.

УДК 338

Елагина Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономических дисциплин,
Международный еврейский институт экономики, финансов и права

Толстикова Екатерина Алексеевна

Старший преподаватель кафедры современного банковского дела,
экономической теории, финансирования и кредитования
Классическая академия им. Маймонида
Московский государственный университет дизайна и технологий

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНОЧНЫХ СТРУКТУР ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ РЫНКОВ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Трансформация рыночных структур агропродовольственным рынков оказывает негативное влияние на динамику цен на продовольствие. Сложившаяся ситуация волатильности цен на продовольствие определяется следующими ускоренного экономического роста в Китае и других странах Юго-Восточной Азии, недостатком инвестиций в аграрный сектор во всех развивающихся странах, низким уровнем внедрения инновационных технологий, усилением проблемы обеднения почв и частыми неурожаями, нестабильным уровнем курса доллара, снижающих прибыльность экспортной деятельности, диверсификацией потребления злаков в том числе за счет расширения производства биотоплива и а также спекуляциями на мировом рынке. По отношению к России данные процессы не являются настолько значимыми в современных условиях, так как уровень индустриализации аграрного сектора с 1960-х являлся одним из передовых в мире (за исключением показателей энергоэффективности) и в настоящее время соответствует международным стандартам. Переход к рыночным отношениям позволил осуществить либерализацию рынков, замещение производства продуктов питания биотопливом не происходит из-за невысоких цен на энергоносители, таким образом, российские продовольственные рынки в меньшей степени зависят от волатильности цен на

международном рынке. Тем не менее в целом, усиление процессов концентрации, которое происходит на российском рынке является причиной совершенствования инструментов регулирования структур продовольственных рынков и повышения продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, аграрные рынки, рыночные структуры, волатильность цен, мировые продовольственные рынки

Agris subject categories: E 10, E 21, E 40, E 70

Anna Elagina

Candidate of economic Sciences,

Associate Professor,

Department of economic disciplines

International Jewish Institute of Economics, Finance and law

Ekaterina Tolstikova

Senior lecturer in modern banking, economic theories, Finance and lending

State Classical Academy. Maimonides

TRANSFORMATION OF MARKET STRUCTURES OF FOOD MARKETS IN DEVELOPING COUNTRIES

Transformation of market structures in agri-food markets has had a negative impact on the dynamics of food prices. The current situation of volatility in food prices is determined by the following accelerated economic growth in China and other countries in Southeast Asia, a lack of investment in the agricultural sector in all developing countries, the low level of implementation of innovative technologies, strengthening the problem of the impoverishment of the soil and frequent crop failures, unstable level of the dollar, reducing the profitability of export activities, the diversification of consumption of cereals including through expanding the production of biofuels and speculation on the world market. In relation to Russia these processes are so important in modern conditions, as the level of industrialization of the agricultural sector since the 1960s, was one of the best in the world (with the exception of energy efficiency) and now meets international standards. The transition to a market economy has enabled the liberalization of markets, substitution of food production by biofuels is not happening because of low energy prices, therefore, the Russian food

markets less dependent on price volatility in the international market. Nevertheless, in General, strengthening the processes of concentration that occurs in the Russian market is the reason for the improvement of regulatory instruments structures of food markets and increasing food security.

Key words: food security, agricultural markets, market structure, price volatility, global food markets

Agris subject categories: E 10, E 21, E 40, E 70

В современных источниках достаточно полно изучен аспект влияния рыночной концентрации на цены как в отношении к развитым, так и развивающимся экономикам [Елагина, 2016]. Доказано, что увеличение концентрации товарного рынка приводит к повышению цен, а также к возникновению ценовой дискриминации [Смирнова, 2013]. Однако рынок продовольствия является менее прогнозируемым по сравнению с другими товарными рынками и на установление цен, на продовольствие влияет значительное количество факторов, таких как государственная политика в области регулирования цен, современные институты установления цен на сырьевые продовольственные товары, неравномерность производства сырья (урожайность). Часто попытки установить зависимость цен на продовольствие от условий, когда происходит увеличение концентрации на продовольственном рынке, не приводит к однозначным результатам. Например, крупные фирмы могут закупать значительные партии сырья и уменьшать свою зависимость от климатических факторов и неурожая и таким образом сохранять прежний уровень цен, в то время как мелкие и средние производители не могут избежать влияния увеличения стоимости сырья на конечный продукт [Елагина, 2016]. Поэтому влияние одновременного прекращения регулирования цен на продовольствие и повышение концентрации, в том числе за счет прихода на внутренний рынок транснациональных корпораций является значимой областью исследования для совершенствования аграрной политики и антимонопольной политики в отношении рынков продовольствия.

Согласно значительному количеству исследований проведенных как в менее развитых, развивающихся и развитых странах мира было показано, что существуют достаточно сложные системы установления цен на продовольствие путем взаимодействия между агробизнесом и государством. При этом проблема голода и недоедания остается в числе наиболее значимых проблем в современных условиях, несмотря на все усилия органов государственной власти и международных организаций. Как показано в ряде исследований, наибольшая проблема заключается в организации доступа к рынкам продовольствия за счет увеличения их концентрации, и данная тенденция является ключевой в развитии продовольствия во всем мире. Так, консолидация производства продовольствия привела к тому, что в США количество ферм с 1964 по 1997 уменьшилось на 1,25 миллиона, при этом в обороте производства доля ферм сократилась, начиная с 1980 года с 40% до 22,2%. [Dangour, 2013] В современной научной литературе подробно изучены случаи влияния сделок M&A крупных агропромышленных предприятий в США и ЕС, таких как поглощение Cargill компании Continental Grains, слияние компаний Kraft и Nabisco, в результате чего были созданы вертикально-интегрированные структуры, включающие в себя все стадии промышленного передела продукции пищевого производства, а полученные конгломераты получили в результате этих действий значительный эффект масштаба [Ioris, 2015; Senesi, 2013]. Однако несмотря на выгоду от полученных сделок, по мнению автора с позиции защиты публичных интересов администрирование таких рынков стало представлять значительные затраты, и подобные аспекты часто не учитываются в моделях по оценке влияния концентрации на ценообразование. Кроме того, в ряде исследований показано, что в число последствий от концентрации производства следует включить факторы, связанные с применением крупными корпорациями таких технологий производства продукции, которые приводят к возникновению негативных внешних эффектов [Serra, Gil, 2012]. По этой причине многими исследователями делается вывод о том, что рынки продовольствия требуют трансформации существующей системы регулирования, позволяющей, с одной стороны,

обеспечить доступность продовольствия для растущего населения, а с другой устранить негативные явления, связанные с влиянием технологий крупнотоварного производства.

Следует отметить, что подход к регулированию, также постоянно видоизменялся и эволюционировал. Так, если исследования 1990-х в большей степени были связаны с влиянием эффекта либерализации продовольственных рынков, происходящих в различных странах, то в более поздних исследованиях 2000-х был оценен эффект от сокращения мелкого предпринимательства в аграрной сфере, и влияния на рынки продовольствия деятельности транснациональных корпораций.

Современный агропромышленный сектор в развивающихся странах определяется как совокупность отраслей экономики, осуществляющей переработку сельскохозяйственного сырья, продукции животноводства, вылова водных биологических ресурсов и, частично, лесного хозяйства. В международной практике агропромышленный сектор кроме непосредственно производства продуктов питания и табака, включает в себя целлюлозно-бумажную промышленность и производство резины из натурального каучука. Ключевой характеристикой агропромышленного сектора является переработка возобновляемых продуктов растительного или животного происхождения.

Современный агропромышленный сектор в развивающихся странах за последние 20 лет существенным образом трансформировался. Так, в это время произошли серьезные процессы индустриализации производства, например, в Индии объем продаж замороженных продуктов с 2002 по 2007 год увеличился в три раза, а в этот же период в ЮАР — в 2 раза [Gouel, Optimal food..2013]. Кроме того, увеличился частный сектор производства, в ряде стран отмечается выравнивание уровня доходов сельского и городского населения. Изменилась за последние 20 лет и структура потребления продуктов питания из-за повышения общего уровня дохода, произошла трансформация традиционного, фермерского уклада сырьевого сектора, в том числе за счет появления транснациональных корпораций [Molnár, 2013].

В целом, в мировой практике используется следующая модель для описания эволюции аграрного сектора, определяющего сложившиеся подходы к установлению цен на продовольствие в развивающихся странах:

1. Увеличение масштаба и концентрация (пространственная, в отраслевой принадлежности).
2. Увеличение количества стадий промышленного передела продовольствия и внедрение инновационных технологий переработки.
3. Увеличение объема экспорта продовольствия.
4. Увеличение интенсивности применения капитала и внедрения систем координации.

В частности, данная модель использовалась в Индии, Китае, Бразилии и Чили при развитии продовольственного сектора экономики, при этом различные виды производств находятся на различных этапах эволюционной модели. [Gouel, Food price volatility...2015] Таким образом, создание транснациональных конгломератов на основе национальных компаний или приход иностранных является одной из стадий развития агробизнеса в развивающихся странах.

Кризис существенного роста цен на продовольствие 2008-2009 года указал на необходимость применения политики, сглаживающей негативные явления на рынке продовольствия. Скачкообразное изменение стоимости пшеницы в 4 раза привело к существенному ограничению доступности продовольствия для населения менее развитых и развивающихся стран, при этом волатильность цен на отдельные злаки характерна для настоящего времени, так, существенным образом выросли цены на кукурузу в 2010 году, а в 2013-м повторилась динамика резкого увеличения цен на пшеницу.

Все эти процессы увеличили значимость вопросов, связанных с обеспечением продовольственной безопасности, и сместили фокус аграрной политики с либерализацию рынков и дальнейшего развития процессов индустриализации, на создание и развитие институциональных и инфраструктурных форм по защите от существенного повышения цены продовольствия [Bellemare, 2015]. Во-первых, в развивающихся странах были

введены такие инструменты как система обязательной стандартизации, как процесса производства, так и выпускаемой продукции. С 2000 по 2005 год в более чем 25 раз увеличилось количество компаний, сертифицирующих процесс производства согласно международным стандартам. Во-вторых, получила развитие система национального продовольственного резерва [Tarp, 2015].

Таким образом, практика показывает, что несмотря на наличие отдельных случаев сглаживания эффекта цен в условиях резкого повышения цен на сырье, например, компания Nestle не увеличила цену на растворимый кофе в условиях неурожая в Бразилии, наличие транснациональных корпораций на мировом рынке продовольствия не оказывает существенного влияния на сглаживание цен в условиях неурожая или природных катаклизмов в мировом масштабе. Кроме того, влияние на цены при усилении концентрации производства в аграрном секторе не влияет существенным образом на доступность продовольствия, при этом увеличиваются возможности осуществления ценовой дискриминации и применения инструментов «хищнического» ценообразования.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что сложившаяся ситуация волатильности цен на продовольствие определяется следующими факторами:

- ускоренный экономический рост, в Китае и других странах Юго-Восточной Азии;
- недостаток инвестиций в аграрный сектор во всех развивающихся странах;
- низкий уровень внедрения инновационных технологий;
- обеднение почв и частые неурожаи;
- нестабильный уровень курса доллара, снижающих прибыльность экспортной деятельности;
- диверсификация потребления злаков в том числе за счет расширения производства биотоплива;
- спекуляции на мировом рынке.

По отношению к России данные процессы не являются настолько значимыми в современных условиях, так как уровень индустриализации аграрного сектора с 1960-х являлся одним из передовых в мире (за исключением показателей энергоэффективности) и в настоящее время соответствует международным стандартам. Переход к рыночным отношениям позволил осуществить либерализацию рынков, замещение производства продуктов питания биотопливом не происходит из-за невысоких цен на энергоносители, таким образом, российские продовольственные рынки в меньшей степени зависят от волатильности цен на международном рынке. Тем не менее в целом, усиление процессов концентрации, которое происходит на российском рынке является причиной совершенствования инструментов регулирования структур продовольственных рынков и повышения продовольственной безопасности.

При создании крупных транснациональных корпораций наиболее часто определяемой целью является получение положительного внешнего эффекта, в том числе и с позиции активизации инновационной деятельности и повышения доступности продовольствия. Однако анализ практики функционирования таких компаний в развивающихся странах указывает на то, что их присутствие на рынках не является причиной стабилизации цен на продовольствие на внешнем рынке, а на внутреннем их развитие повышает затраты на осуществление регулирования и контроля их деятельности, увеличивает возможности влиять на решения государства в области выбора инструментов промышленной политики. Таким образом, необходимо осуществлять мониторинг эволюции агробизнеса и решения в области разрешения слияний и поглощений с учетом фактора неоднозначного влияния на цены на продовольствие.

Литература

1. Елагина А.С. Выявление онтологических компонентов феномена стоимости продовольствия с целью определения его эпистемологических критериев обоснованности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 207-216.

2. Елагина А.С. Глобальные политические процессы регулирования продовольственных рынков на принципах устойчивого развития// Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 2. С. 89-97.

3. Елагина А.С. Разработка системы скидок и надбавок на продукцию пищевых производств// Таврический научный обозреватель. 2016. № 4 (9). С. 273-278.

4. Никулина Е.В., Чистникова И.В., Журавлева Т.А., Романенко Е.В., Лисицкая Т.С. Экономика региона: проблемы, стратегия, мониторинг// Автономная некоммерческая организация содействия развитию современной отечественной науки Издательский Дом «Научное обозрение». Москва, 2014.

1. Новоселов С.Н., Смирнова С.М. Формирование инновационных агропромышленных кластеров: обобщение международной практики// Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3. С. 58-67.

2. Смирнова О.О. Ценовая дискриминация на различных уровнях канала распределения: на примере рынка нефтепродуктов// Экономика: вчера, сегодня, завтра, № 2 2013 С. 77-90

3. Смирнова О.О., Богданов Д.Д. Антимонопольное регулирование и отраслевое законодательство: опыт взаимодействия на примере рынка розничной торговли// Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 77-90.

4. Смирнова О.О., Богданов Д.Д. Ценовая дискриминация третьего типа: вопросы выявления и регулирования// Научное обозрение. 2013. № 6. С. 92-95.

5. Смирнова О.О. Регулирование ценовой дискриминации: нормативное определение и особенности выявления// Приволжский научный вестник. 2013. № 9 (25). С. 43-45.

6. Baltzer K. International to Domestic Price Transmission in Fourteen Developing Countries during the 2007–8 Food Crisis //Food Price Policy in an Era of Market Instability: A Political Economy Analysis. — 2014. — С. 21.

7. Bellemare M. F. Rising food prices, food price volatility, and social unrest //American Journal of Agricultural Economics. — 2015. — Т. 97. — №. 1. — С. 1-21.
8. Cornelsen L. What Happens to Patterns of Food Consumption when Food Prices Change? Evidence from A Systematic Review and Meta-Analysis of Food Price Elasticities Globally //Health economics. — 2015. — Т. 24. — №. 12. — С. 1548-1559.
9. Dangour A. D. Can nutrition be promoted through agriculture-led food price policies? A systematic review //BMJ open. — 2013. — Т. 3. — №. 6. — С. 29-37.
10. García-Germán S., Bardají I., Garrido A. Evaluating price transmission between global agricultural markets and consumer food price indices in the European Union //Agricultural Economics. — 2016. — Т. 47. — №. 1. — С. 59-70.
11. Gouel C. Food price volatility and domestic stabilization policies in developing countries. — National Bureau of Economic Research, 2013. — №. w18934.
12. Gouel C. Optimal food price stabilisation policy //European Economic Review. — 2013. — Т. 57. — С. 118-134.
13. Gouel C., Jean S. Optimal food price stabilization in a small open developing country //The World Bank Economic Review. — 2015. — Т. 29. — №. 1. — С. 72-101.
14. Ioris A. A. R. Cracking the nut of agribusiness and global food insecurity: In search of a critical agenda of research //Geoforum. — 2015. — Т. 63. — С. 1-4.
15. Molnár A. Price Transparency as a Prerequisite for Fair Competition: The Case of the European Food Prices Monitoring Tool //The Ethics and Economics of Agrifood Competition. — Springer Netherlands, 2013. — С. 243-261.
16. Senesi S. I. The evolution of farming networks in a fragile institutional environment: the case of Argentina //Journal on Chain and Network Science. — 2013. — Т. 13. — №. 1. — С. 71-82.

17. Serra T., Gil J. M. Price volatility in food markets: can stock building mitigate price fluctuations? //European Review of Agricultural Economics. — 2012. — С. 10-41.

18. Tarp F. The Economics of Food Price Volatility //Journal of Economic Literature. — 2015. — Т. 53. — №. 2. — С. 377-378.

References

1. Elagina A.S. Vyjavlenie ontologicheskikh komponentov fenomena stoimosti prodovol'stviya s cel'ju opredelenija ego jepistemologicheskikh kriteriev obosnovannosti // Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke. 2016. № 2. p. 207-216. *(in Russian)*

2. Elagina A.S. Global'nye politicheskie processy regulirovanija prodovol'stvennyh rynkov na principah ustojchivogo razvitija// Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2016. № 2. p. 89-97. *(in Russian)*

3. Nikulina E.V., Chistnikova I.V., Zhuravleva T.A., Romanenko E.V., Lisickaja T.S. Jekonomika regiona: problemy, strategija, monitoring// Avtonomnaja nekommercheskaja organizacija sodejstvija razvitiju sovremennoj otechestvennoj nauki Izdatel'skij Dom «Nauchnoe obozrenie». Moskva, 2014. *(in Russian)*

4. Novoselov S.N., Smirnova S.M. Formirovanie innovacionnyh agropromyshlennyh klasterov: obobshhenie mezhdunarodnoj praktiki// Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra. 2016. № 3. p. 58-67. *(in Russian)*

5. Smirnova O.O. Cenovaja diskriminacija na razlichnyh urovnjah kanala raspredelenija: na primere rynka nefteproduktov// Jekonomika: vchera , segodnja, zavtra, № 2 2013 p. 77-90 *(in Russian)*

6. Smirnova O.O., Bogdanov D.D. Antimonopol'noe regulirovanie i otraslevoe zakonodatel'stvo: opyt vzaimodejstvija na primere rynka roznichnoj trgovli// Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra. 2011. № 2. p. 77-90. *(in Russian)*

7. Smirnova O.O., Bogdanov D.D. Cenovaja diskriminacija tret'ego tipa: voprosy vyjavlenija i regulirovanija// Nauchnoe obozrenie. 2013. № 6. p. 92-95. (*in Russian*)
8. Smirnova O.O. Regulirovanie cenovoj diskriminacii: normativnoe opredelenie i osobennosti vyjavlenija// Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2013. № 9 (25). p. 43-45. (*in Russian*)
9. Baltzer K. International to Domestic Price Transmission in Fourteen Developing Countries during the 2007–8 Food Crisis //Food Price Policy in an Era of Market Instability: A Political Economy Analysis. — 2014. — p. 21.
10. Bellemare M. F. Rising food prices, food price volatility, and social unrest //American Journal of Agricultural Economics. — 2015. — T. 97. — №. 1. — C. 1-21.
11. Cornelsen L. What Happens to Patterns of Food Consumption when Food Prices Change? Evidence from A Systematic Review and Meta-Analysis of Food Price Elasticities Globally //Health economics. — 2015. — T. 24. — №. 12. — C. 1548-1559.
12. Dangour A. D. Can nutrition be promoted through agriculture-led food price policies? A systematic review //BMJ open. — 2013. — T. 3. — №. 6. — C. 29-37.
13. García-Germán S., Bardají I., Garrido A. Evaluating price transmission between global agricultural markets and consumer food price indices in the European Union //Agricultural Economics. — 2016. — T. 47. — №. 1. — C. 59-70.
14. Gouel C. Food price volatility and domestic stabilization policies in developing countries. — National Bureau of Economic Research, 2013. — №. w18934.
15. Gouel C. Optimal food price stabilisation policy //European Economic Review. — 2013. — T. 57. — C. 118-134.
16. Gouel C., Jean S. Optimal food price stabilization in a small open developing country //The World Bank Economic Review. — 2015. — T. 29. — №. 1. — C. 72-101.

17. Ioris A. A. R. Cracking the nut of agribusiness and global food insecurity: In search of a critical agenda of research //Geoforum. — 2015. — Т. 63. — С. 1-4.
18. Molnár A. Price Transparency as a Prerequisite for Fair Competition: The Case of the European Food Prices Monitoring Tool //The Ethics and Economics of Agrifood Competition. — Springer Netherlands, 2013. — С. 243-261.
19. Senesi S. I. The evolution of farming networks in a fragile institutional environment: the case of Argentina //Journal on Chain and Network Science. — 2013. — Т. 13. — №. 1. — С. 71-82.
20. Serra T., Gil J. M. Price volatility in food markets: can stock building mitigate price fluctuations? //European Review of Agricultural Economics. — 2012. — С. 10-41.
21. Tarp F. The Economics of Food Price Volatility //Journal of Economic Literature. — 2015. — Т. 53. — №. 2. — С. 377-378.

УДК 37

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры прикладной информатики,
программирования и телекоммуникаций
Классическая академия им. Маймонида
Московский государственный университет дизайна и технологий

Шихина Нина Ивановна

Старший преподаватель кафедры
Современного банковского дела, экономической теории,
финансирования и кредитования
Классическая академия им. Маймонида
Московский государственный университет дизайна и технологий

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В СЕЛЬСКИХ ШКОЛАХ: НА ПРИМЕРЕ АЛЯСКИ

Трудности школьного образования коренного населения в сельской местности Аляски отягощаются негативными социальными факторами — высоким уровнем бедности среди местного населения, алкоголизмом и жестоким обращением с детьми. Практика показывает, что совместное образование является более эффективной формой обучения, чем в случае, когда для части школьников преподавание осуществляется на государственном языке, а для другой части только на национальном языке.

Ключевые слова: сельские школы, сельская местность, коренные народы, образовательный процесс, формы образовательного процесса.

Agris subject categories: C 10

Oleg Smirnov

Ph.D. in Physic and mathematical sciences
Associate Professor, Department of applied Informatics,
programming and telecommunications
Classical Academy. Maimonides
Moscow state University of design and technology

Nina Shihina

Senior lecturer

Modern banking, economic theory,
financing and crediting

Classical Academy. Maimonides

Moscow state University of design and technology

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTIONAL FORMS OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE INDIGENOUS POPULATION IN RURAL SCHOOLS: THE CASE OF ALASKA

Difficulties of schooling of the indigenous population in rural areas of Alaska are overlaid negative social factors high level of poverty among the local population, alcoholism and the abuse of children. Practice shows that joint education is a more effective form of learning than in the case when part of the students education is carried out in the state language, and for another part only in the national language.

Key words: rural schools, rural and indigenous peoples, the educational process, forms of the educational process.

Agris subject categories: C 10

За время освоения Аляски было использовано несколько институциональных форм образовательных учреждений, начиная со школ Русской Православной церкви и заканчивая образовательными инициативами, принятыми Конгрессом США Alaska Native Claims Settlement Act в 1971 году [Lipka, Wong, Andrew-Ihrke, 2013]. За прошедшие 45 лет глобальной смены парадигмы в области школьного образования коренных народов Аляски не произошло, совершенствования касались в первую очередь образовательного процесса. Однако, достаточно часто, проводимые инновации были неэффективными.

Аналогичная проблема весьма актуальна и для малых народов Севера и Дальнего Востока России, сложившаяся модель, по мнению ряда исследователей, позволяет сохранять идентичность, однако не позволяет получить необходимый объем компетенций, и поэтому, в настоящее время для

решения собственных проблем, следует учитывать опыт США по организации школьного образования коренного населения Аляски.

Системно школьное образование коренных народов Аляски началось с обучения молодежи алеутов российскими переселенцами, и с тех пор данная система многократно изменялась. Первое документальное упоминание об открытии школы на Аляске относится к 1784 году с целью обращения коренных жителей в христианство. Преподавались два предмета — русский язык и арифметику. Миссия Русской Православной церкви начала масштабную образовательную деятельность 1796 году. Кроме этого, предлагалось также и обучение взрослых [Faircloth, 2015]. После присоединения Аляски к США Правительство передало Alaska Commercial Company заказ на управление школьным образованием сельских поселений Аляски, при этом только к 1916 году были закрыты последние Русские школы и были открыты протестантские и католические школы [Gagnon, 2015].

К 1895 году Федеральное бюро образования открыло 19 школ, многие из которых были организованы миссионерами. В 1917 году стало очевидно, что финансирования школьного образования Аляски недостаточно, а также, необходимо еще и сохранение национального компонента, так как до этого момента национальные языки не преподавались. Были предложены изменения в образовательные программы, финансируемые Федеральным бюро по образованию, однако они не были реализованы из-за нехватки бюджетных средств. В дальнейшем, с 1926 года изменения были включены в образовательную программу, и дополнительно, открыты ряд профессиональных школ [Hargreaves, Parsley, Cox, 2015].

С 1931 года сменилась парадигма образовательного процесса, связанная с передачей полномочий по организации школьного образования коренных народов Бюро по делам индейского населения (Bureau of Indian Affairs) [Guillory, Williams, 2014]. Несмотря на то, что первоочередной задачей бюро было сохранение национальной идентичности коренного населения, в том числе и посредством специализированного образования, по мнению ряда

исследователей, на практике ситуация оказалась обратной. Фактически, целью данного органа была полная ассимиляция коренного населения. К концу Второй мировой войны все школьники сельских школ обучались по одной программе вне зависимости от национальной принадлежности. Исправление данного несоответствия подтолкнуло федеральное правительство к решению о переходе к разделному школьному образованию в регионе, выделив сельские школы для коренных жителей в отдельный вид. Однако в результате деления школьного образования на две институциональные формы произошло ухудшение положения сельских школьников коренных народов Аляски [Kaden, Patterson, Nealy, 2014]. Так, школьники, которые не относились к коренным народам имели возможность продолжить образование в местных школах, в то время как, все сельские школьники из числа коренных народов, оканчивающие начальную школу могли продолжать образование только в школах-интернатах, и только наиболее талантливые продолжали обучение в профессиональных школах, а затем возвращались в свои поселения.

Следующая трансформация образовательной парадигмы сельских школ Аляски началась в 1959 году, после присвоения данному региону статуса штата. В это время произошло изменение подхода к сохранению культурной идентичности сельских школьников [Faircloth, 2015]. Так, было создано несколько учреждений высшей школы для обучения наиболее талантливых студентов коренных народов с целью передачи компетенций, как культур местного населения, так и общих ценностей нации. Данный подход был усовершенствован в 1975 году, после того как было выиграно дело Молли Хутч (Molly Hootch) против государственного органа по регулированию школьной системы Аляски (Alaska State-Operated School System). В ходе судебного рассмотрения было доказано, что коренные жители Аляски при получении школьного образования дискриминируются. В результате с 1975 года во всех сельских поселениях коренного населения, где существовала начальная школа, были организованы и последующие ступени школьного образования.

Дальнейшие трансформации институциональной формы образовательного процесса, не приносили существенных улучшений. Так, в 1994 году Комиссия по делам коренных народов Аляски на основании проведенного исследования показала, что проделанный путь полный проб и ошибок в деле организации школьного образования коренных народов привел к пониманию того, что все прежние системы насаждались органами власти, минуя мнение местных жителей, что привело к негативному отношению к системе школьного образования, а часто и к ее игнорированию. В результате была предложена стратегия включающая пересмотр всех отношений на региональном уровне по отношению к системе школьного образования. Согласно данному подходу предполагается, что коренные жители при выборе системы школьного образования должны опираться на свой собственный путь в построении поддерживающей и адаптивной системы совместного образования всех сельских жителей, вне зависимости от их национальности.

Современные исследования в области школьного образовательного процесса в сельских поселениях Аляски затрагивают различные социально-педагогические аспекты. В частности, ряд исследований затрагивает вопрос подготовки учителей, дефицит которых традиционно велик в данном регионе. Так, по данным начала 2000-х сельские поселения Аляски ежегодно создают 1100 рабочих мест для школьных учителей, в то время как система образования Аляски не создает достаточного количества выпускников, готовых к выполнению образовательного процесса — локальные университеты готовят только около 250 выпускников, подготовленных к работе в сельских школах по программам, адаптированным для коренных жителей. Таким образом примерно 12% от 8100 учителей ежегодно заменяются [Adams, Woods, 2015]. Такая высокая сменяемость учителей только на одну четвертую часть заменяется выпускниками вузов Аляски. Основным препятствием для учителей является труднодоступный характер значительного количества сельских поселений. Так, большинство поселений не связаны дорожным сообщением, единственным средством транспорта до них является воздушный или водный, действующий

только в летние месяцы. Все это негативно влияет на привлекательность условий работы, в то время как средняя зарплата сельского учителя на Аляске сопоставима по уровню с заработной платой в других штатах.

Согласно статистике, школьники сельских поселений Аляски, относящиеся к коренным народностям имеют невысокую академическую успеваемость. Основными ограничениями успеваемости являются [Avery, 2013]:

- языковые и культурные различия в школе и дома;
- игнорирование культурных особенностей школьников, относящихся к коренным народам;
- бедность, низкая самооценка, безразличие к образованию и скука.

Кроме этого, современные исследования указывают на значительный разрыв между тем, что требуется сельским школьникам и теми образовательными программами, которые им предоставляются. Согласно опросам, значительная часть школьников уверена, что и в настоящее время жители, не относящиеся к коренным народностям, находятся в привилегированном положении и не верят в равные образовательные возможности для всех. В качестве причины указывают на то, что в предоставляемых учебных материалах, не используют элементы культуры местных народов, при оценке академической успеваемости используются только стандартизированные тесты, которые не учитывают культурные и языковые особенности, а также наличие дифференциации в обучении школьников различных национальных групп [Burton, Brown, Johnson, 2013]. Крайне слабо отработаны модели взаимодействия школа-семья в отношении коренного населения, а также отягощающий педагогические проблемы высокий уровень социальных проблем — алкоголизм, безнадзорность и жестокое обращение.

Образовательная система США прошла большой путь в поиске приемлемой институциональной модели школьного образования коренных народов в труднодоступных сельских поселениях. Современная форма образовательного процесса существенно улучшила возможности получения

образования сельскими школьниками, однако в целом за это время были выявлены проблемы и разработаны критерии, решение которых позволило бы сформировать действенную модель образовательного процесса, однако в реальности такая система сформирована не была. К причинам неудачи следует отнести: во-первых, различное отношение учителей к ученикам, относящимся и не относящимся к коренному населению, а во-вторых, к тяжелым условиям труда в сельской местности, где ежегодно обновляется более 12% всего персонала.

Трудности школьного образования коренного населения в сельской местности Аляски отягощаются негативными социальными факторами — высоким уровнем бедности среди местного населения, алкоголизмом и жестоким обращением с детьми. Практика показывает, что совместное образование является более эффективной формой обучения, чем в случае, когда для части школьников преподавание осуществляется на государственном языке, а для другой части только на национальном языке.

Литература / References

Adams B. L., Woods A. A Model for Recruiting and Retaining Teachers in Alaska's Rural K–12 Schools //Peabody Journal of Education. — 2015. — Т. 90. — №. 2. — С. 250-262.

Avery L. M. Rural science education: Valuing local knowledge //Theory Into Practice. — 2013. — Т. 52. — №. 1. — С. 28-35.

Barnhardt R., Network A. N. K. Indigenous education renewal in rural Alaska //Honoring our children: culturally appropriate approaches to indigenous education. Northern Arizona University, Flagstaff, Arizona, USA.[online] URL: <http://jan.ucc.nau.edu/~jar/HOC/HOC-2.pdf>. — 2013. — С. 11-20.

Burton M., Brown K., Johnson A. Storylines about rural teachers in the United States: A narrative analysis of the literature //Journal of Research in Rural Education (Online). — 2013. — Т. 28. — №. 12. — С. 1.

Byun S. Y., Irvin M. J., Meece J. L. Rural–nonrural differences in college attendance patterns //Peabody Journal of Education. — 2015. — Т. 90. — №. 2. — С. 263-279.

Faircloth S. C. The early childhood education of American Indian and Alaska Native children: State of the research //Journal of American Indian Education. — 2015. — Т. 54. — №. 1. — С. 99-126.

Gagnon D. J., Mattingly M. J. State policy responses to ensuring excellent educators in rural schools //Journal of Research in Rural Education (Online). — 2015. — Т. 30. — №. 13. — С. 1.

Guillory R. M., Williams G. L. Incorporating the culture of American Indian/Alaska Native students into the classroom //Diaspora, Indigenous, and Minority Education. — 2014. — Т. 8. — №. 3. — С. 155-169.

Hargreaves A., Parsley D., Cox E. K. Designing rural school improvement networks: aspirations and actualities //Peabody Journal of Education. — 2015. — Т. 90. — №. 2. — С. 306-321.

Kaden U. I., Patterson P. P., Healy J. Updating the role of rural supervision: Perspectives from Alaska //Journal of Education and Training Studies. — 2014. — Т. 2. — №. 3. — С. 33-43.

Knotek S. E. Utilizing culturally responsive consultation to support innovation implementation in a rural school //Consulting Psychology Journal: Practice and Research. — 2012. — Т. 64. — №. 1. — С. 46.

Koziol N. A. et al. Identifying, Analyzing, and Communicating Rural: A Quantitative Perspective //Journal of Research in Rural Education (Online). — 2015. — Т. 30. — №. 4. — С. 1.

Lipka J., Wong M., Andrew-Ihrke D. Alaska Native Indigenous knowledge: opportunities for learning mathematics //Mathematics Education Research Journal. — 2013. — Т. 25. — №. 1. — С. 129.

López F. A., Schram J., Heilig J. V. A story within a story: Culturally responsive schooling and American Indian and Alaska Native achievement in the National Indian

Education Study //American Journal of Education. — 2013. — Т. 119. — №. 4. — С. 513-538.

Lowe M. E. Localized practices and globalized futures: challenges for Alaska coastal community youth //Maritime Studies. — 2015. — Т. 14. — №. 1. — С. 1.

Parkhurst N. D. et al. The digital reality: e-government and access to technology and internet for American Indian and Alaska Native populations //Proceedings of the 16th Annual International Conference on Digital Government Research. — ACM, 2015. — С. 217-229.

Smith G. A. Place-based education //International handbook of research on environmental education. — 2013. — С. 213-220.

Surface J. L., Theobald P. The Rural School Leadership Dilemma //Peabody Journal of Education. — 2014. — Т. 89. — №. 5. — С. 570-579.

УДК 338

Смирнова Светлана Михайловна

Старший преподаватель,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Богданов Дмитрий Дмитриевич

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра инновационного предпринимательства,
Московский государственный технический университет
им. Н. Э. Баумана

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ: НА ПРИМЕРЕ КЛАСТЕРА РЫБНОГО КЛАСТЕРА ЧИЛИ

Вопрос существования промышленного кластера должен быть соотнесен со стадией жизненного цикла базовой отрасли производства. Продолжительность технологического цикла некоторых производств может составлять десятки лет, а жизненный цикл промышленного кластера может быть менее продолжительным. При этом, при разработке последовательности стадий жизненного цикла кластера необходимо учитывать фактор доступности ресурсов или срок эксплуатации созданной для функционирования данной отрасли инфраструктуры. Формирование фактически всех промышленных кластеров занимало продолжительное время, развитие же российских кластеров рассчитано на 5–10 лет. В мировой практике нет случаев создания эффективных промышленных объединений в развивающихся странах в такие сроки. Часто возникает потребность использования готовых объектов инфраструктуры, но даже в этом случае ей может потребоваться обновление. Следовательно, на этапе становления желательно осуществлять минимальный объем инвестиций, которые связаны в основном с созданием самых необходимых объектов инфраструктуры, и дополнить их набором институциональных условий, позволяющих максимально эффективно использовать существующую инфраструктуру.

Ключевые слова: Промышленные кластеры, развивающиеся страны, рыбохозяйственный комплекс, инфраструктура, государственное регулирование.

Agris subject categories: E 10, E 21, E 40, E 70

Svetlana Smirnova
Senior Lecturer,
Moscow Financial-Industrial University "Synergy"

Bogdanov Dmitry
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of innovative entrepreneurship,
Bauman Moscow State Technical University

INDUSTRIAL CLUSTERS IN THE DEVELOPING COUNTRIES: A CASE STUDY OF THE CHILE FISH CLUSTER

The issue of existence of an industrial cluster should be correlated with the stage of life cycle of basic industry production. The technological cycle of some industries lasts decades, and the life cycle of industrial cluster can be shorter. While developing consequent stages of the life cycle of the cluster it is necessary to consider the factor of availability of resources or the duration of exploitation, created for functioning of this sector of infrastructure.

The development of practically all industrial clusters took a lot of time, the development of the Russian clusters is calculated for 5–10 years. In the world practice there are no cases of creating efficient industrial companies in the developing countries over such periods. There is often a need to use ready objects of infrastructure, but even in this case it may need renovation. Therefore, at the stage of formation, it is desirable to carry out the minimum number of investments that are mainly associated with the creation of the necessary infrastructure and complementary set of institutional conditions that maximize the use of existing infrastructure.

Key words: Industrial clusters, developing countries, fishing industry, infrastructure, government regulation.

Agris subject categories: E 10, E 21, E 40, E 70

Развитие отрасли переработки водных биологических ресурсов существенным образом зависит от качества институциональной и инфраструктурной среды. Во многих работах показано, что для развития отрасли рыбопереработки необходимо наличие портовой инфраструктуры, достаточного количества рыболовецких флотилий, мощностей по заморозке и хранению рыбы в портах, а также достаточного количества вагонов-рефрижераторов для доставки продукции из рыболовецких районов, в большинстве случаев значительно удаленных от основных потребителей. Однако осуществление инвестиций одновременно во все объекты инфраструктуры в условиях ограниченных ресурсов невозможно, поэтому необходимо выбирать наиболее приоритетные направления, отвечающие современному состоянию стадии жизненного цикла промышленного кластера. В этой связи представляет интерес обобщение опыта развития такого инфраструктурно зависимого промышленного объединения, как чилийский кластер производства и переработки лосося, где правительством Чили были последовательно применены различные инструменты промышленной политики, что в итоге привело к значительным результатам. Обобщение данного опыта также значимо для выявления модели жизненного цикла инфраструктурно зависимой отрасли.

Сегодня общепризнано, что развитие и эволюционирование промышленных кластеров является относительно новой областью исследований, обладающий тем не менее сформированным понятийным аппаратом [Frenken, Cefis, Stam, 2015].

Наиболее значимые результаты в этой области были получены в исследованиях начала 2000-х годов, когда тезис о циклическом развитии промышленного кластера был доказан в ряде эмпирических работ, а затем обобщен в теоретических исследованиях. Например, в работе М. Фритча [Fritsch, 2011] рассмотрен вопрос географического расположения кластеров и показано, что расположение имеет существенное значение как для регулирования роста

занятости, так и для продуктивности кластера в целом. В исследовании Ф. Малерба [Malerba, 2006] обоснована необходимость учета развития технологий при рассмотрении процессов индустриальных преобразований, таких как рост фирм, динамика входа и выхода, а также структура рынка, его институциональная среда, поскольку данные компоненты оказывают влияние на структурные показатели экономического роста.

Стоит отметить исследование, посвященное трансформации отрасли машиностроения Великобритании, где было показано, что географические факторы необходимо учитывать при оценке «траектории развития» промышленного кластера, а также то, что один и тот же промышленный кластер может находиться в системно различных состояниях [Boschma, Wenting, 2007]. На основе перечисленных данных и данных ряда других исследователей иностранные ученые предложили несколько моделей жизненного цикла промышленного кластера:

– основанные на оценке поведения «крупных игроков» — вход, рост и выход [Swann, Stout, 1998; Brenner, Muhligh, 2008];

– основанные на анализе жизненного цикла отрасли базового продукта кластера — формирование, рост, зрелость и стагнация [Lorenzen, Frederiksen, 2008; Bergman, 2008].

По отношению к развивающимся странам в ряде работ было показано, что жизненный цикл кластера включает только стадии роста и снижения (страны Юго-Восточной Азии) [Hassink, Shin, 2005] или стадии идентификации, инициативы, инновационной деятельности, развития, зрелости, трансформации (на примере стран Восточной Европы) [Knor, Olko, 2008].

Следует отметить, что все предложенные последовательности содержат стадии роста и спада. Некоторые исследователи отдельно выделяют стадию формирования и зрелости, а другие — определяют стадию, предшествующую образованию кластера, и стадию трансформации в иной промышленный кластер или «смещение», которое заключается в переносе производства кластера в другой регион.

По мнению авторов, из последовательности жизненного цикла кластера следует исключить стадию, предшествующую образованию кластера, поскольку в противном случае к кластерам можно отнести любые виды географически обособленных производств.

В перечисленных выше исследованиях не акцентируется внимание на том, что последовательность стадий промышленного кластера может существенным образом зависеть от вида базовой отрасли, например, высокотехнологические производства, сырьевая, обрабатывающая промышленности, сфера услуг [Смирнова, 2015].

Кроме того, в ряде исследований указывается, что базовая отрасль существенным образом определяет структуру кластера, так как отрасли имеют различные зависимости от видов поддержки [Новоселов, Смирнова, 2016]. Можно предположить, что тип отрасли также оказывает влияние на количество стадий жизненного цикла. Например, в отношении обрабатывающего производства вопрос существования кластера зависит от возможности получения сырья по ценам, позволяющим производителю сохранять конкурентоспособность. Следовательно, вопрос существования промышленного кластера должен быть соотнесен с вопросом жизненного цикла базовой отрасли производства. Некоторые современные исследования показали, что в отраслях, жизненный цикл которых соответствует, например, стадии зрелости, могут формироваться и формируются новые промышленные кластеры. Согласно теории отраслевых рынков, все товары в долгосрочном периоде взаимозаменяемы, при этом технологический цикл некоторых обрабатывающих производств может достигать десятков лет, в то время как жизненный цикл промышленного кластера может быть менее продолжительным. Следовательно, при разработке последовательности стадий жизненного цикла кластера влиянием глобальной смены технологического уклада можно пренебречь, однако необходимо учитывать фактор доступности ресурсов или продолжительность эксплуатации созданной для функционирования данной отрасли инфраструктуры.

Производство лосося и форели традиционно для Чили, где в регионе на 1000 километров южнее Сантьяго расположено более 500 хозяйств по выращиванию лосося. Кластер производства и переработки лосося и форели в Чили начал формироваться в 1992 году на основании традиционного для региона производства и до 2002 года увеличивал объем производства на 25% ежегодно [Campos, 2006]. Кроме того, за это время население региона возросло на 50%, при этом к 2002 году было создано 28 тысяч рабочих мест непосредственно в кластере и 12,5 тысячи в обслуживающих кластер производствах. За этот период доля Чили в мировой торговле лососем увеличилась с 7,9 до 32,4% [Felzensztein, Gimmon, 2008]. К началу 2000-х три основных производителя — Норвегия, Чили и Шотландия — занимали более 80% рынка, при этом увеличение производства пришлось на выращенную рыбу [Phyne, Novgaard, Hansen, 2006]. Так, вылов лосося за этот период увеличился всего с 600 до 800 тонн, в то время как за период с 1981 по 2000 год объем выращенного лосося увеличился более чем в 70 раз и составил более миллиона тонн [Felzensztein, Huemer, Gimmon, 2009].

За это время кластер производства и переработки лосося в Чили прошел ряд стадий развития. Причиной развития кластера стал многократно увеличивающийся спрос на морепродукты, который является наиболее значимой тенденцией последних трех десятилетий. Согласно международным сопоставлениям, потребление морепродуктов в ЕС с 1995 по 2000 год увеличивалось на 14% ежегодно с незначительным замедлением в последующее десятилетие с 2000 по 2010 год. Аналогичная тенденция наблюдалась и на рынке продовольствия Японии и других стран [Frenken, Cefis, Stam, 2015].

Основой развития рассматриваемой сферы стало наличие традиционного производства на территории южного Чили, благоприятные природные условия, а также удобное географическое расположение по отношению к крупнейшим портам, что обеспечило более низкие логистические затраты по сравнению с другими производителями. Еще одним конкурентным преимуществом кластера являлась возможность осуществлять вылов рыбы в зимние месяцы, что невозможно для североευропейских участников рынка, а относительно

незагрязненная акватория позволяла получать продукцию более высокого качества [Perez-Aleman, 2005]. В дополнение следует указать, что кластер был полностью обеспечен всем необходимым для производства — энергоресурсами и кормом для рыб.

На первоначальном этапе правительством Чили были созданы условия для привлечения инвестиций, расширены образовательные программы в местных учебных заведениях в этой области. С позиции бизнеса на данном этапе (в 1986 году) была создана Чилийская ассоциация производителей лосося и форели, которая содействовала созданию системы мер государственной поддержки производителей лосося. Первым успехом кластера стала организация поставки 1000 тонн лосося на экспорт в 1986 году. Кроме того, на этапе становления были созданы государственно-частные институты поддержки экспорта, в задачи которых входило изучение спроса на мировом рынке морепродуктов, а также создание организаций, централизованно осуществляющих экспорт национальных производителей [Perez-Aleman, 2005].

В последующем этапе была создана правительственная организация *Fundación Chile*, позволяющая более эффективно осуществлять трансфер технологий, в частности в области экспериментальных разработок *Instituto de Fomento Pesquero* по разведению и выращиванию лосося. На данном этапе в функции ассоциации добавилось создание стандартов качества для более эффективного включения в мировой рынок, поскольку в международной торговле были приняты стандарты, распространенные в Норвегии и Шотландии. Соответствие данным стандартам позволило ассоциации осуществлять контроль за качеством отечественных производителей [Vignolo, Held, Zanlungo, 2007].

На стадии зрелости кластера Чили удалось успешно реализовать задачу по многократному увеличению производственных мощностей. В частности, для поддержки производства был создан центр дистрибуции, и к 1990 году группа национальных чилийских производителей создала экспортную компанию *Salmoexport*, которая осуществляла сбыт 30% лосося [Frenken, Cefis, Stam, 2015]. Наиболее значимым в этот период стало открытие новых международных

рынков. Несмотря на то, что данная компания осуществляла деятельность всего три года, был реализован ряд программ, позволяющих увеличить маркетинговую активность чилийских производителей. По мнению некоторых исследователей, завершение активного роста производства, было связано с начавшимся экономическим кризисом в Юго-Восточной Азии и демпингом на мировом рынке производителей лосося из Аляски.

На следующем этапе жизненного цикла кластера произошла глобализация деятельности, повышение концентрации производства, вертикальная интеграция всех этапов от выращивания мальков до поставок готовой продукции на международный рынок.

Современный кластер производства лосося в Чили отражает как преимущества, так и недостатки, характерные для развивающихся стран. К преимуществам следует отнести относительно низкий уровень заработной платы в отрасли, а к недостаткам — низкий уровень образования, поскольку 76% из всех занятых в отрасли не имеют профильного среднего или высшего образования, и данное обстоятельство существенно снижает эффективность работы кластера. Так, для сравнения в аналогичном производстве Шотландии и Норвегии соотношение квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы составляет 6 к 1, что фактически противоположно ситуации, наблюдающейся в Чили.

Правительство Чили в течение всего периода развития кластера поддерживало создание ряда институтов, определяющих поддержку операционной деятельности, продвижения продукции на международном рынке, трансферта технологий и образования. С этой целью были созданы соответствующие агентства и организации. Следует отметить, что данные инициативы были реализованы последовательно, в том числе с применением инструментов саморегуляции деятельности отрасли. Если на первой фазе были улучшены условия осуществления предпринимательской деятельности, то на второй фазе — осуществлены инвестиции в поддержку инфраструктуры, которые позволили оптимизировать деятельность существующих объектов

инфраструктуры. На третьем этапе правительство Чили активно осуществляло поддержку инновационной деятельности отрасли путем системы грантов на разработки в области совершенствования технологий.

Опыт Чили интересен для развития сектора производства и переработки водных биологических ресурсов, особенно в условиях, когда российские производители могли бы участвовать в разделении мирового рынка лосося и форели, как выловленных, так и выращенных. Так, на этап наибольшего снижения производства и переработки рыбы в РФ с 1991 по 2000 год пришелся максимальный рост рынка, изменение его структуры, выход на рынок новых игроков, не только Чили, но и Аляски и Канады.

О существующих проблемах российской отрасли можно сказать, что ситуация в рыбной отрасли Чили в определенный момент была значительно хуже. Так, по состоянию на середину 1980-х годов в Чили фактически не осуществлялись научные разработки в области производства лосося, не существовало системы отраслевых учреждений высшего и среднего профессионального образования, в то время как в СССР в это время уже не одно десятилетие существовала развитая структура институтов поддержки рыбной промышленности. При этом часть ее существует и в современных условиях. Так, портовая структура является развитой и в настоящее время, основные проблемы отрасли связаны с необходимостью насыщения внутреннего рынка и развития транспортной системы. В Чили не существовало и значительного дефицита рыбной продукции на внутреннем рынке, который есть на российском потребительском рынке, кроме того, не существовало и развитой системы стандартизации продукции, обязательной для производителей.

В данной области существуют значительные институциональные ограничения, в том числе связанные с применением действующего антимонопольного законодательства, запрещающего координацию деятельности независимых производителей рыбопродукции. Например, создание в России организации по сбыту в составе одной компании было бы

невозможно с позиции современного антимонопольного регулирования [Смирнова, Богданов, 2011; Богданов, 2015].

Поэтому при поиске решений по формированию рыбных кластеров следует более гибко подходить к вопросам развития инфраструктуры и в большей степени учитывать особенности институциональной среды осуществления деятельности.

Развитие инфраструктурно зависимых кластеров в России на этапе становления во многом зависит от объема значительных инвестиций в развитие комплекса взаимозависимых объектов транспортировки и хранения. Институциональные условия осуществления производственной или иной деятельности предполагают наличие значительных ограничений, которые порой играют большую роль, чем недостаточное развитие инфраструктуры. При этом развитие многих или фактически всех промышленных кластеров занимало достаточно продолжительное время в противовес планам и стратегии развития российских кластеров, которые рассчитаны, как правило, на краткосрочную перспективу — 5 лет, в редких случаях 10 лет. В мировой практике нет случаев создания эффективных промышленных объединений в развивающихся странах в такие короткие сроки даже при наличии всех необходимых условий. Часто возникает потребность использования готовых объектов инфраструктуры, но даже в этом случае ей уже может потребоваться обновление. Следовательно, на этапе становления достаточно, чтобы уровень развития инфраструктуры соответствовал уровню производства и реализации, при этом наиболее значимо дополнить существующую институциональную среду возможностями, позволяющими максимально эффективно использовать существующую инфраструктуру, такими как недискриминационный доступ к услугам естественных монополий в портах и транспортных терминалов.

Литература

1. Богданов Д.Д. Регулирование пространственной ценовой дискриминации: российский и международный опыт // Крымский научный вестник. 2015. № 1 (1). С. 21-26.
2. Новоселов С.Н., Смирнова С.М. Формирование инновационных агропромышленных кластеров: обобщение международной практики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3. С. 58-67.
3. Рябов И.В., Смирнова О.О., Агапова Е.В. Модели развития национальных отраслей черной металлургии: эконометрический анализ // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 3. С. 125-129.
4. Смирнова О.О., Богданов Д.Д. Антимонопольное регулирование и отраслевое законодательство: опыт взаимодействия на примере рынка розничной торговли // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 77-90.
5. Смирнова С.М. Кластерная политика как инструмент экономического развития: на примере развивающихся и наименее развитых стран // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 48-51.
6. Bas T.G., Amoros E., Kunc M. Innovation, entrepreneurship and clusters in Latin America natural resource: implication and future challenges // Journal of technology management & innovation. 2008. Vol. 3. No. 4. P. 52-65.
7. Bergman E.M. Cluster life-cycles: an emerging synthesis. Handbook of research on cluster theory. Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 114-132.
8. Boschma R.A., Wenting R. The spatial evolution of the British automobile industry. Does location matter? // Industrial and Corporate Change. 2007. Vol. 16 (2). P. 213-238.
9. Campos C.M. The salmon farming and processing cluster in Southern Chile // Upgrading to Compete. 2006. P. 109-142.
10. Felzensztein C., Gimmon E. Industrial clusters and social networking for enhancing inter-firm cooperation: The case of natural resources-based industries in Chile // Journal of business market management. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 187-202.

11. Felzensztein C., Huemer L., Gimmon E. The effects of co-location on marketing externalities in the salmon-farming industry // *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2009. Vol. 25. No. 1. P. 73-82.
12. Frenken K., Cefis E., Stam E. Industrial dynamics and clusters: a survey // *Regional Studies*. 2015. Vol. 49. No. 1. P. 10-27.
13. Fritsch M. The effect of new business formation on regional development — Empirical evidence, interpretation, and avenues for the further research. 2011. 342 p.
14. Hassink R., Shin D.H. The restructuring of old industrial areas in Europe and Asia // *Environment and Planning*. 2005. Vol. 37 (4). P. 571-580.
15. Iizuka M. Low tech industry: A new path for development? The case of the salmon farming industry in Chile // *Sectoral systems of innovation and production in developing countries: actors, structure and evolution*. Cheltenham: Edward Elgar, 2009. P. 232-257.
16. Iizuka M. Standards as a platform for innovation and learning in the global economy: a case study of the Chilean salmon farming industry // *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development*. 2009. Vol. 2. No. 4. P. 274-293.
17. Knop L., Olko S. Model procesu tworzenia klastra. Sieci proinnowacyjne w zarządzaniu regionem wiedzy. Lublin: Wydawnictwo Politechniki Lubelskiej, 2008. P. 51-62.
18. Lorenzen M., Frederiksen L. Why do cultural industries cluster? Localization, urbanization, products and projects // *Creative cities, cultural clusters and local economic development*. Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 155-179.
19. Malerba F. Innovation and the evolution of industries // *Journal of Evolutionary Economics*. 2006. Vol. 16 (1). P. 3-23.
20. Perez-Aleman P. Cluster formation, institutions and learning: the emergence of clusters and development in Chile // *Industrial and Corporate Change*. 2005. Vol. 14. No. 4. P. 651-677.

21. Phyne J., Hovgaard G., Hansen G. Norwegian salmon goes to market: the case of the Austevoll seafood cluster // Journal of Rural Studies. 2006. Vol. 22. No. 2. P. 190-204.
22. Vignolo C., Held G., Zanlungo J.P. Strategic management of clusters: The case of the Chilean salmon industry // Documentos de Trabajo Serie de Gestion. 2007. No. 83.
23. Swann G., Prevezer M., Stout D. The dynamics of industrial clustering: International comparisons in computing and biotechnology. — Oxford University Press, 1998. — 382 p.
24. Brenner T. Cluster dynamics and policy implications // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. — 2008. — T. 52. — №. 1. — С. 146-162.

References

1. Bas T.G., Amoros E., Kunc M. (2008) Innovation, entrepreneurship and clusters in Latin America natural resource: implication and future challenges. Journal of technology management & innovation, 3 (4), pp. 52-65.
2. Bergman E.M. (2008) Cluster life-cycles: an emerging synthesis. In: Handbook of research on cluster theory. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 114-132.
3. Bogdanov D.D. (2015) Regulirovanie prostranstvennoi tsenovoi diskriminatsii: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt [Regulation of spatial price discrimination: Russian and international practice]. Krymskii nauchnyi vestnik [The Crimean scientific bulletin], 1 (1), pp. 21-26.
4. Boschma R.A., Wenting R. (2007) The spatial evolution of the British automobile industry. Does location matter? Industrial and corporate change, 16 (2), pp. 213-238.
5. Campos C.M. (2006) The salmon farming and processing cluster in Southern Chile. In: Upgrading to compete. Pp. 109-142.
6. Felzensztein C., Gimmon E. (2008) Industrial clusters and social networking for enhancing inter-firm cooperation: The case of natural resources-based industries in Chile. Journal of business market management, 2 (4), pp. 187-202.

7. Felzensztein C., Huemer L., Gimmon E. (2009) The effects of co-location on marketing externalities in the salmon-farming industry. *Journal of business & industrial marketing*, 25 (1), pp. 73-82.
8. Frenken K., Cefis E., Stam E. (2015) Industrial dynamics and clusters: a survey. *Regional studies*, 49 (1), pp. 10-27.
9. Fritsch M. (2011) The effect of new business formation on regional development — Empirical evidence, interpretation, and avenues for the further research.
10. Hassink R., Shin D.H. (2005) The restructuring of old industrial areas in Europe and Asia. *Environment and planning*, 37 (4), pp. 571-580.
11. Iizuka M. (2009) Low tech industry: A new path for development? The case of the salmon farming industry in Chile. In: *Sectoral systems of innovation and production in developing countries: actors, structure and evolution*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 232-257.
12. Iizuka M. (2009) Standards as a platform for innovation and learning in the global economy: a case study of the Chilean salmon farming industry. *International journal of technological learning, innovation and development*, 2 (4), pp. 274-293.
13. Knop L., Olko S. (2008) Model procesu tworzenia klastra. *Sieci proinnowacyjne w zarządzaniu regionem wiedzy*. Lublin: Wydawnictwo Politechniki Lubelskiej, pp. 51-62.
14. Lorenzen M., Frederiksen L. (2008) Why do cultural industries cluster? Localization, urbanization, products and projects. In: *Creative cities, cultural clusters and local economic development*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 155-179.
15. Malerba F. (2006) Innovation and the evolution of industries. *Journal of evolutionary economics*, 16 (1), pp. 3-23.
16. Novoselov S.N., Smirnova S.M. (2016) Formirovanie innovatsionnykh agropromyshlennykh klasterov: obobshchenie mezhdunarodnoi praktiki [Formation of innovative agricultural clusters: synthesis of the international practices]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 3, pp. 58-67.

17. Perez-Aleman P. (2005) Cluster formation, institutions and learning: the emergence of clusters and development in Chile. *Industrial and corporate change*, 14 (4), pp. 651-677.

18. Phyne J., Hovgaard G., Hansen G. (2006) Norwegian salmon goes to market: the case of the Austevoll seafood cluster. *Journal of rural studies*, 22 (2), pp. 190-204.

19. Ryabov I.V., Smirnova O.O., Agapova E.V. (2014) Modeli razvitiya natsional'nykh otraslei chernoi metallurgii: ekonometricheskii analiz [Models of national iron and steel industries development: econometric analysis]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of legal and economic studies], 3, pp. 125-129.

20. Smirnova O.O., Bogdanov D.D. (2011) Antimonopol'noe regulirovanie i otraslevoe zakonodatel'stvo: opyt vzaimodeistviya na primere rynka roznichnoi trgovli [Antitrust regulation and sectorial legislation: the experience of interaction on the example of the retail market]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 2, pp. 77-90.

21. Smirnova S.M. (2015) Klasternaya politika kak instrument ekonomicheskogo razvitiya: na primere razvivayushchikhsya i naimenee razvitykh stran [Cluster policy as the instrument of economic development; by the example of developing and least developed countries]. *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'* [Tavrida scientific observer], 2, pp. 48-51.

22. Vignolo C., Held G., Zanlungo J.P. (2007) Strategic management of clusters: The case of the Chilean salmon industry. *Documentos de Trabajo Serie de Gestion*, No. 83.
